

М. В. ОСЛОН, М. КАПОВИЧ

Удлинение гласных в говоре Юрия Крижанича в сопоставлении с чакавскими и кайкавскими данными*

Говор Крижанича, на котором основаны его произведения «Исказание» [Г], «Объяснение» [О] и «Политика» [П], показывает прежде всего безошибочно чакавские черты, но в ряде морфологических категорий — также и особые долготы, сближающие его с кайкавскими говорами. Поэтому В. А. Дыбо охарактеризовал говор Крижанича как «кайкавско-чакавский» (см., например, Дыбо 1968: 152)¹. По косвенному указанию самого Крижанича, его языковая родина — треугольник «*ме́жду Купоју и Вуноју риками, во ујездех Биџица града, окол Дубовца, Озля и Рибника, острогов*» [Г 195]. Сейчас «треугольник Крижанича» находится на самой границе чакавского и кайкавского ареалов, причём в его юго-западной части (большей по территории, в т. ч. в с. Рибник) говорят по-чакавски, а в северо-восточной (в т. ч. вокруг г. Озаль) — по-кайкавски (и там и там имеются переходные диалектные черты, см. ниже).

Особые долготы (или «удлинения»), о которых пойдёт речь ниже, соответствуют двум типам ударения: «новый циркумфлекс» и «продлённый новый акут». Новый циркумфлекс — это долготный рефлекс на месте старого акута (прасл. **ǣ* > *ā*, см. разд. I) или результат стяжения (например, прасл. **ǣje* > *ā*, см. разд. II), а продлённый новый акут — долгий рефлекс на месте краткого нового акута (прасл. **ǎ* > *ǎ̄*, см. разд. III)². Ниже мы разберём все позиции новоциркумфлексного и новоакутового удлинений в сербохорватском и словенском и сравним их с показаниями текстов Крижанича; затем отдельно рассмотрим «предсонантное удлинение» (см. разд. IV). В итоге мы должны, в числе прочего, суметь уточнить диалектную принадлежность говора Крижанича и его место среди нынешних чакавских и кайкавских говоров той же зоны.

* Благодарим В. Гудек, С. Лашина, М. Мужека и М. Ухлика.

¹ Позже В. А. Дыбо поменял местами компоненты; так, например, в Дыбо 1981 уже фигурирует обозначение «чакавско-кайкавский», как будет показано ниже, вполне точное.

² Фонетически новый циркумфлекс — нисходящий, а новый акут — восходящий (восходяще-нисходящий или ровный, см. Ослон 2016, для другого, староштокавского посавского диалекта). Речь идёт о диалектах, фонологически различающих эти тоны (Крижанич их не различал — у него только один фонологически значимый долгий тон, см. ниже).

Начнём с того, что термины «чакавский» и «кайкавский» следует понимать условно (ср. Vermeer 1982: 280–289; РНА: 63–66): границы между традиционными тремя наречиями довольно размыты, а изоглоссы, в т. ч. древние, часто дают сложную и непредсказуемую лингвогеографическую картину. Важнейшая чакавская акцентная черта — отсутствие нового циркумфлекса в позициях³, где он представлен в кайкавско-словенской области⁴; такие говоры будем называть «чакавскими». Важнейшая кайкавская акцентная черта — новый циркумфлекс в этих позициях (отчасти общих для всей кайкавско-словенской области), а также новоакутовое удлинение (в меньшем числе позиций); такие говоры будем называть «кайкавскими».

Нынешняя кайкавско-чакавская диалектная граница в районе г. Карловац (см., например, карту Д. Брозовича в Brozović, Ivić 1988: 70–71), по-видимому, определяется (1) последовательным наличием или, наоборот, отсутствием (спорадическим наличием) кайкавского нового циркумфлекса в характерных позициях⁵ и (2) противопоставлением трёхакцентных систем в местных кайкавских говорах⁶ (северо-восток) и двухакцентных в чакавских говорах (юго-запад; см.

³ Новый циркумфлекс характерен для севера чакавской области (как в эвакских северночакавских говорах, так и в икавско-эвакских центральночакавских) к северу от линии «Лошинь — Нови Винодолски» в *e*-презенсах типа *gīne*, членных формах прилагательных а. п. А (см. сноску 24) типа *čisti* (см., например, РНА: 273, 624), но не для континентальных икавско-эвакских центральночакавских говоров, за исключением (как мы покажем) говора Крижанича (хотя новый циркумфлекс в нём, по-видимому, — кайкавская, а не северночакавская черта).

⁴ Чакавской чертой (отсутствующей в кайкавском, хотя встречающейся в словенских диалектах) может считаться также, например, долгота окончания в *e*-презенсах а. п. С (примеры из пограничной чакавско-кайкавской зоны под Карловацем, родины Крижанича, даёт Težak 1996: 89–90).

⁵ Выделяют и иные критерии, учитывающие не столько генетические и диахронические соображения, сколько поверхностные синхронные черты. Так, Б. Финка (на карте в конце статьи Finka 1973) весь пригорский диалект вместе с крайним севером континентального центральночакавского вокруг Карловаца относит к «чакавско-кайкавским», что нельзя признать удачным решением, так как оно приводит к смешению древнейших изоглосс (в т. ч. новый циркумфлекс), старых переходных черт и архаизмов (в т. ч. икавско-эвакское отражение *я*, отражение сверхкратких в виде *ива* в пригорском, а также различие *lč/* и *lč/*) с позднейшими контактными изменениями (в т. ч. распространение местоимения *kaj* в исконно-чакавских говорах). На карте в конце книги Lončarić 1996 проводится граница кайкавского «плешивичско-пригорского» диалекта (как М. Лончарич именует пригорский) почти так же, как у Брозовича, но часть зоны к юго-востоку от Карловаца называется «*prijelaznim i miješanim govovima*». Как мы увидим ниже, говор Крижанича — действительно переходный.

⁶ В двухакцентных (чакавских) системах, по-видимому, представлен более простой вокализм из пяти гласных фонем (Težak 1981a: 175).

карты в Težak 1981a; 1981b; перечисление пограничных населённых пунктов: Težak 1981a: 180)⁷.

Крижанич родился и провёл детство в селе Обрх, соседнем с Рибником, или близ него (Jagić 1917: 12; Hamm 1974: 27), т. е. в крайнем западном (чакавском) углу «треугольника», поэтому не будет сюрпризом (предвосхищаем наши результаты), если именно говор Рибника окажется наиболее близок идиому, отражённому в текстах Крижанича. Собственно, это уже установил В. Борысь (SnDCz: 123), однако степень кайкавского влияния на говор Крижанича он переоценил (отнюдь не по своей вине, см. ниже). Со времён Крижанича часть чакавских говоров на территории «треугольника» в акцентном отношении претерпела радикальные изменения: в них прошла оттяжка ударения на слог влево, так что следы былой системы порой частично затёрты (ср. Težak 1981a: 179; Težak 1990; Težak 1996).

Впрочем, соотносению Крижаничева говора XVII в. с каким-либо современным идиомом на первых порах мешало вовсе не это, а непонимание его системы диакритических знаков — кстати, весьма чёткой и последовательной, — а также отказ от анализа его материала на парадигматическом, а не только фонетическом уровне. Так, А. Белич, обратив внимание на наличие у Крижанича долгот в членных формах прилагательных различных типов (*шуби, дивви, ббжџи, говѣдѣи, вѣишњи* и др.), связал их со штокавским типом **māl* : *māli* и неверно заключил, что говор Крижанича «по своим основным акцентным особенностям представлял штокавский говор старијег типа, и то, у главноме, онако као зетски говор или косовско-ресавски или данас познати нам говори босански» (Белић 1914: 23). Эту ошибку исправил М. Храсте, специально познакомившийся с ударением говоров в районе Рибника и понявший, что в основе языка Крижанича лежит чакавский говор (Hraste 1963)⁸. Наконец, Й. Хамм и М. Могуш, правда, не вполне верно (и по-разному) толкуя Крижаничевы диакрити-

⁷ С. Тежак специально указывает, что «se granica dosljednijeg provođenja kajkavske metatonije ne poklapa sasvim s granicom dvoakcenatskog i troakcenatskog sustava», но, при этом, можно сказать, что «je ta metatonija izrazita karakteristika troakcenatskih govora [...]», и что «bi se crta koja odvaja dvoakcenatske od troakcenatskih govora mogla smatrati međom koja dijeli» исконно чакавские и исконно кайкавские говоры (которые он называет, соответственно, «чакавско-кайкавскими» и «кайкавско-чакавскими», Težak 1982: 300). Он же (Težak 1996: 87) делит нынешний «треугольник Крижанича» на три акцентные зоны: западную (район с. Рибник), центральную (г. Дубовац, теперь в черте г. Карловац) и восточную (г. Озаль).

⁸ Этого не учёл А. Пецо, уже после этого писавший, вслед за Беличем, что это была «štokavska akcentuacija koja je poprimila odlike najprogressivnijih štokavskih govora» (Peco 1971: 114).

ческие знаки, приблизились к акцентологически грамотному их толкованию (Hamm 1974; Moguš 1974). В числе прочего, опираясь на слова С. Ившича, что «...je metatonijski ^ akcenat u kajkavskom dijalektu kud i kamo običniji nego u štokavskom i čakavskom» (Ivšić 1936: 70), Могуш приводит слова *nūžda*⁹, *prīdnji*, *zādnji*, *višnji*, *ptīcij*, *kōzji*, *krāvji*, которые «jasno pokazuju da je riječ o kajkavskoj metatoniji» (Moguš 1974: 245). Это уже шаг вперёд в том, что касается темы нашей статьи. А. Пецо, наконец отказавшись от идеи о штокавской природе говора Крижанича, следуя указанию самого Крижанича [Г: 62–63] (см. п. 25), утверждает, что в членных формах прилагательных долгота «морфолошки условљена» (Пецо 1982: 73). Пониманию акцентологами природы этих долгот у Крижанича мешало неразличение разных их типов (новый циркумфлекс, новый акут, предсонантное удлинение). Этим же грешит С. Тежак, специально изучавший ударения в «треугольнике» (Težak 1990; 1996)¹⁰. Удивительно, но все упомянутые работы по-разному восстанавливают число и природу просодических единиц у Крижанича.

Проведённый в последнее время сплошной анализ текстов Крижанича позволил лучше разобраться в фонемном составе его говора (Осло́н 2012) и просодическом инвентаре (два фонологически кратких тона и всего один долгий, см. Osłon 2012: 74)¹¹. В частности, подтвердилось предположение В. А. Дыбо об особом рефлексе у Крижанича праславянского краткого нового акута (Дыбо 1968: 221).

Приведём акцентные знаки Крижанича в [Г] и [О]¹² в соответствии с обозначениями, принятыми в сербокroatистике (даём лишь характерные формы Крижанича — в его орфографии и в фонологической транскрипции) согласно нашему толкованию его знаков:

⁹ Опечатка у Могуша вм. *nūdža*.

¹⁰ Исходя из представления об изначальном акцентном единстве «треугольника», разные части которого эволюционировали уже после Крижанича, С. Тежак приходит к выводу, что «Križanićev naglasak najbliži je akcentuaciji istočnoga ozaljskoga pojasa, osobito govorima Husja i Kobilića, a najmanje je podudaran sa zapadnim ribničkim naglasnim sustavom, čija bi se progresivnost mogla dovesti u vezu sa štokavskim» (Težak 1990: 92), имея в виду, кажется, лишь сохранность старого места ударения в Озале при оттяжках в Рибнике (Тежак приписывает их штокавскому влиянию); при этом он не учёл основных изоглосс, разделяющих (исконно) чакавские и кайкавские говоры. На самом деле озальский говор — кайкавский (как, безусловно, и в XVII в.) — с довольно типичной кайкавской акцентуацией и ожидаемыми переходными к чакавскому чертами (в т. ч. различение /č/ и /č'/), а у Крижанича очевидно преобладают сегментные и лексические чакавские черты (в т. ч. *Čá* 'что').

¹¹ Таким образом, долгий новый акут, как отдельная просодема, потерян.

¹² В [П] безударные долготы обозначены в рукописи только со с. 475 (из 778), а до этого места — крайне редко (издание доходит до с. 283).

у Крижанича	акцентологическая интерпретация	
´ <i>brát</i> <i>kráva</i> <i>móžet</i> <i>nogá</i> <i>rūká</i>	˝ /bràt/ /kráva/ /mòže/ /nogà/ /rūkà/	рефлекс старого акута (краткий) рефлекс краткого (непродлённого) нового акута (но не в однословах) ¹³ конечное краткое ударение не перед паузой (иначе часто <i>nogà</i> , <i>rūkà</i> , <i>rūka</i>)
` <i>zòl</i> <i>jezi̋k</i> <i>krāľa</i>	` /zàl/ ˝ /jezi̋k/ /krāľà/	особый рефлекс краткого нового акута в однословах перед паузой (иначе <i>zól</i>) конечное краткое ударение в неоднословах перед паузой; знак иногда опускается, обычно после долготы (не перед паузой обычно <i>jezi̋k</i> , <i>krāľá</i> ; но только <i>brát</i> , а не <i>**bràt</i> ¹⁴)
^ <i>grád</i> <i>kráľ</i> <i>xervát</i> <i>kráv</i>	^ /grád/ /kráľ/ /hərvát/ /kráv/	единственное долгое ударение — рефлекс долгих старого циркумфлекса, нового акута, нового циркумфлекса ¹⁵
- <i>nāròd</i> <i>zābáva</i> <i>dūšē</i>	- /nāròd/ /zābáva/ ^ /dūšē/	предударная долгота конечная ударная долгота только после ⁻ (иначе <i>nogē</i>)

Рассмотрение интересующей нас здесь стороны дела — удлинения гласных — невозможно в отрыве от морфологии, ибо эти удлинения проявляются в определённых морфо(но)логических позициях¹⁶, как словоизменительных, так и словообразовательных. Со своих первых акцентологических работ В. А. Дыбо обильно привлекает мате-

¹³ В вопросительных местоимениях всегда знак акута: *Čá?*, *Kadá?*, *Kadi?* (ср. оба знака в *Sadá*, *Onđi*, но *Sadà*, *ondè* — перед паузой). Это, видимо, значит, что вопросительная интонация специального вопроса была близка в т. ч. интонации рефлекса старого акута (восходящей?).

¹⁴ Из чего вытекает фонологическая значимость акута и грависа (но только на однословах): фонетически акут, возможно, обозначал краткий восходящий тон, а гравис — краткий нисходящий (Oslon 2012: 74).

¹⁵ В предыдущих работах Ослона в фонологической транскрипции для долгого ударения применяется знак \sim (обоснование: Ослон 2012: 100, сн. 5), что следует признать неудачным решением (ибо возникает ложное впечатление о сохранности у Крижанича особого рефлекса долгого нового акута).

¹⁶ Изначально все эти позиции — фонологические (если речь не идёт о заимствовании), но возникают у них, в любом случае, в тех или иных морфологических категориях (и могут обобщаться на другие).

риал Крижанича — не только с фонологической, но и с парадигматической точки зрения¹⁷, но интересующие нас удлинения специально не рассматривает.

На предмет вторичных долгот и ударений разобрал часть именной морфологии Крижанича В. Борысь в книге SnDCz, ища у Крижанича следы кайкавского влияния. Отдавая себе отчёт в том, что издание [П] изобилует опечатками, Борысь извлёк оттуда немало вариантов, призванных поддержать тезис о кайкавском компоненте. Теперь мы можем проверить все подобные примеры, располагая полностью отснятой рукописью «Политики»¹⁸.

Ниже группируем все позиции удлинений, ссылаясь на их разбор в книге РНА; названиями позиций («типов») служат типичные примеры (в праславянском виде; иногда не те, что в РНА). В пределах каждого раздела разбиваем материал по условиям удлинения (по следующему слогу или слогам): подразделы **А–К**; в таблицах, кроме форм Крижанича, даём для сравнения рефлексy: штокавские (обычно литературные¹⁹, в противном случае «диал.»), чакавские (типичные)²⁰, кайкавские (типичные)²¹, словенские (литературные по Plet.²²). В начале разделов даём сводные таблицы рефлексов, где:

+	= удлинение
–	= нет удлинения
±	= сложные, неясные рефлексy, колебания
+/- -/+	= по диалектам; сначала более распространённое
(+)	= неотличимо от предсонантного удлинения
(–)	= здесь не видно (иное место ударения)

В конце каждого раздела подводим «итог» позициям удлинения, а затем приводим доступные нам данные по современным говорам «треугольника», соотнося с ними показания Крижанича.

¹⁷ Что позволило ему в т. ч. выявить важную закономерность поведения на определённой стадии двух долгот подряд, получившую название «закона Крижанича» (МПАС: 78–79, затем попытка развития: Ослон 2011).

¹⁸ Кроме того, не имея доступа к рукописи [Г], мы вывели ошибки в издании Бессонова по изданию Хамма.

¹⁹ Даём старшую зафиксированную литературную форму (по ARj или Вук), если она отличается от современных.

²⁰ Но также северночакавские рефлексy — через дробь «/».

²¹ В отдельных случаях явно указываем место, в т. ч. подписными буквами: «ГК» = Горня Коньшчина (В. Гудек, л. с., см. также Gudek 2013); «В» = Вараждин (Lipljin 2002); «Г» = Турополье (Šojat 1981); «Г» = Гробник (Lukežič, Zubčić 2007).

²² Закрытые гласные обозначаем только точкой (e, o).

I. Новый циркумфлекс из старого акута

Сводка рефлексов:

		ШТОК.	ЧАК.	КАЙК.	СЛВН.	Криж.
А	1. *kórvъ	+	+	+	+	+
Б	2. *měšěcъ	—	—	±	±	—
	3. *pālīca	—	—	±	±	—
	4. *brátěxъ	—	—	+	+	—
	5. *vīdīšъ	—	—	+	+	—
	6. *dělānъ	—	—	+	+	—
	7. *dvīgnōti	—	—	±	±	—
	8. *dělāti	—	—	±	±	—
	9. *dělāla	—	—	+	—/+	—
	10. *bōdēšъ	—	—/+	+/-	+/-	—
	11. *gāženъ	—	—	+	+	—
	В	12. *prāgū	—	—	+	+
13. *nīti		—	—	+	+	—
14. *lētā		—	—	+	+	—
15. *brātŭ		—	—	+	+	—
16. *nogāmī		—	—	+/-	+/-	—
17. *nogāmā		—	—		+/-	—
18. *nājū		—	—		+	—
19. *nosŭi		—	—	—	—/+	—
20. *nosŭvā		—	—		+	—
21. *krālā		—	—	+	±	—
22. *zābāvnā	—	—	(—)	+	—	
23. *lopātā	—	—	—/+	±	—	
24. *prēdjā	—	—	—	±	—	
Г	25. *mālъ-jъ	—	—/+	+	+	+
	26. *mŭšъjъ	—	—	+	+	(—)
Д	27. *bābъjъ-jъ	—	—/+	+	+	+
	28. *gŭbъkъ-jъ	—	—	±	±	±
	29. *brātъskъ-jъ	—	—	+	+	—
Е	30. *zbrnъje	—	—	+	+	+
	31. *bogātъstvo	—	—	+/-	+	—
Ж	32. *pādaješъ	—	—	+	+	—
	33. *rŭbojŭ	—	—	+	+	—
З	34. *sēklъ	—	—	+	+	—
	35. *vētrъ	—	—	—	+	—
И	36. *krŭšъka	—	—	+	+	—
	37. *svātъba	—	—	+	+	—
	38. *sītъce	—	—	+	+/-	—
	39. *bōltъna	—	—	±	±	—

А. Перед долгим конечным ером

1. Тип **kǫrvǫ* (РНА: 274–276) — в gen. pl. *ā*- и *o*-основ; у Крижанича — долгота:

шток. ²³	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>kûc(ā)</i>	<i>kûc</i>	<i>hîž</i>	<i>kôč</i>	<i>Kûц</i>
<i>Gřk(ā)</i>	<i>Gřk</i>	<i>Gřk</i>	[<i>Gřkov</i>]	<i>Grĕk</i>
<i>djĕl(ā)</i>	<i>dĕl</i>	<i>dĕl</i>	<i>dĕl</i>	<i>dĕl</i>

Это «первый» новый циркумфлекс, охватывающий южнославянские и западнославянские языки. В отличие от словенского и кайкавского, у Крижанича нет удлинения в последнем слоге:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>jăgöd(ā)</i>	<i>jăgöd</i>	<i>jăgod</i>	<i>jăgod</i>	<i>jăgod</i>

У Крижанича подавляющее большинство *o*-основ в форме gen. pl. расширено морфемой *-ov, -ev*; перед ней долготы нет, ср. *Brâmov, Mrâzov*. Удлинение корня происходит в а. п. В и С²⁴ (см. п. 43; при ударности видна долгота окончаний *-ôv, -êv*, ср. Криж. *bogôw*).

Б. Перед внутренней долготой не из стяжения²⁵

2. Тип **mĕšĕcъ* (РНА: 279–285) — в *o*- и *i*-основах с непродуктивными суффиксами (проявляется в закрытом списке слов); у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>vîĕz</i>	<i>vîĕz</i>	<i>vîtez/vîtez</i>	<i>vîtez</i>	<i>Wîtez</i>
<i>păuk</i>	<i>păuk</i>	<i>păvuk</i>	[<i>păjək</i>]	<i>păuki</i> (nom. pl.)
<i>mĕšĕc</i>	<i>mĕšĕc</i>	<i>mĕsec/mĕsec</i>	<i>mĕsec</i>	<i>mĕsec</i>
<i>pĕnĕz</i>	<i>pĕnĕz</i>	<i>pĕnez/pĕnez</i>	<i>pĕnez</i>	<i>pĕneza</i> (gen. sg.)
<i>pămĕt</i>	<i>pămĕt</i>	<i>pămet</i>	<i>pămet</i>	<i>Pămem</i>
<i>jăblān</i>	<i>jăblān</i>	<i>jăblan</i>	<i>jăblan/jăblan</i>	<i>Jăblan</i>
<i>păprăt</i>	<i>păprăt</i>	<i>p(r)ăprat/-ot</i>	<i>prăprot</i>	<i>păpratiu</i> (instr. sg.)
<i>lăbūd</i>	<i>lăbūd</i>	<i>lăbud/lăbud</i>	<i>*lăbod/*lăbod</i>	<i>lăbūd</i>

Подтип **rŭtĭčārjъ* — производные с долготными продуктивными суффиксами (та же позиция); у Крижанича краткость:

²³ Формы на согласный — в некоторых диалектах; в лит. шток. *kûcā, Gřkā, djĕlā*, — скорее всего, непосредственное отражение долгого ера в окончании (в части условий, однако не в а. п. А, ср. Каровић 2020).

²⁴ Строчным курсивом будем указывать акцентную парадигму праславянской реконструкции, например: **kǫrva* (а. п. а); заглавными — синхронную: шток. *krăva* (а. п. А); они могут не совпадать.

²⁵ Имеются в виду славянские, а не более ранние стяжения.

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>přičār</i>	<i>přičār</i>	<i>(f)řičār</i>	<i>přičār</i>	<i>Пřичар</i>
<i>řibār</i>	<i>řibār</i>	<i>řibar</i> _{ГК} [řibār]	[řibār]	<i>Рибар</i>
[<i>bùkvār</i>]			[<i>bukvār</i>]	<i>Буквар</i>

3. Тип **pālīca* (РНА: 285) — перед акутовыми суффиксами; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>pālica</i>	<i>pālica</i>	<i>pālica</i>	<i>pālica</i>	<i>Pālica</i>
<i>gòvedina</i>	<i>govèdina</i>	<i>govèdina</i>	<i>govèdina</i>	<i>Говéдина</i>
<i>ìstina</i>	<i>ìstina</i>	<i>ìstina</i> / <i>ìstina</i>	<i>ìstina</i>	<i>јстина</i>
<i>vīlica</i>	<i>vīlica</i>	<i>vīlica</i>	<i>vīlice</i>	<i>Вілицу</i> (nom. du.)

Борысь приводит асс. sg. «*ìstinu*» [П 320=**252*] (SnDCz: 79) с долгой как пример кайкавской инновации. Это ошибка росписи в издании; в рукописи краткость:

Ktò istinu govorít, wezdé iest mérzok.

4. Тип **brātēxъ* (РНА: 286) — в loc. pl.; у Крижанича краткость:

шток. диал.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>*brātī</i>	<i>brātīh</i>	<i>brātīh</i>	<i>brātīh</i>	<i>pri brátux</i>
<i>*čāsī</i>	<i>čāsīh</i>	<i>čāsīh</i>	<i>čāsīh</i>	<i>po ... czászech</i>
<i>*cārī</i>	<i>cārīh</i>	<i>cārīh</i> _Г ²⁶	[<i>cārjīh</i> ²⁷]	<i>pri cārech</i>

В издании: «*na mīstech*» [П 55=**43*], что приводит Борысь как пример кайкавской инновации (SnDCz: 24). В рукописи иначе:

*Zdaét mi se, iako i w' séy zemlye tóže se priluczdaét ná mistech*²⁸ [исправлено из *mestech*]: *dlyaradi powéternogo nepogódia.*

²⁶ Турополье: *cār*, -a (а. п. А) (Šojat 1982).

²⁷ Долгота здесь лексическая: слвн. *cār*, gen. *cārja*.

²⁸ Ударение поставлено на предлоге, а над словом *mīstech* оно перечёркнуто (значит, это вторичный энклимен, очевидно, факультативный). Аналогичная ошибочная долгота в издании в *i*-основе: «*w' gātech*» [П 11=**2*] (SnDCz: 98), но, увы, эта страница рукописи утеряна. Скорее всего это *w ratēch*, как [П 213=**166*], что закономерно ввиду обобщения конечного ударения в этом типе (ср. *mīlost*, *mīlostīx*) (Ослон 2009: 96; Каровић 2007: 75–76).

5. Тип **vīdīšь* (РНА: 286) — в презенсе *i*- и *ě*-глаголов; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>vīdīš</i>	<i>vīdīš</i>	<i>vīdiš</i>	<i>vīdiš</i>	<i>Віідим</i>
<i>čīstīš</i>	<i>čīstīš</i>	<i>čīstiš</i>	<i>čīstiš</i>	<i>Чіістим</i>
<i>mīslīš</i>	<i>mīslīš</i>	<i>mīslīš</i>	<i>mīslīš</i>	<i>Мііслим</i>
<i>pāzīš</i>	<i>pāzīš</i>	<i>pāziš</i>	<i>pāziš</i>	<i>Пāзим</i>

6. Тип **děļānь* (РНА: 287) — в формах причастий на *-ān*; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>bājan</i>	<i>bājan</i>	<i>bājan</i>	<i>bājan</i>	<i>Бājan</i>
<i>òkajan</i>	<i>okājan</i>	<i>ukājan</i> _{ГК}	<i>okājan</i>	<i>Окājan</i>
<i>djēlan</i>	<i>dēlan</i>	<i>dēlan</i>	<i>dēlan</i>	<i>zdēlan</i>
<i>māzan</i>	<i>māzan</i>	<i>māzan</i>	<i>māzan</i>	<i>помāzan</i>

7. Тип **dvīgnōti* (РНА: 287) — в инфинитивах на *-nuti*; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>dīgnuti</i>	<i>dīgnūti</i>	<i>dīgnuti</i>	<i>dvīgniti</i>	<i>подвіігнут</i>
/диал. <i>dīgnūti</i>		/диал. <i>dīgnuti</i>	/диал. <i>dvīgnoti</i>	

8. Тип **děļāti* (РНА: 287–288) — в инфинитивах на *-ati*; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—	<i>plāvāti</i>		<i>plāvati</i> ²⁹	<i>plāwat</i>
<i>plīvati</i>	<i>plīvāti</i>	<i>plīvati</i>	—	<i>*plīvat</i> (<i>Пліівам</i>)
/диал. <i>plīvāti</i>				
<i>djēlati</i>	<i>dēlāti</i>	<i>dēlati</i>	<i>dēlati</i>	<i>diilat</i>

Краткость везде, в т. ч. у Крижанича, в инфинитивах остальных типов (РНА: 288–289): Криж. *māzat*, *mīrūt*, *viidūt*.

9. Тип **děļāla* (РНА: 317) — в формах *l*-причастия sg. f. (а. п. *a*); у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>djēlala</i>	<i>dēlāla</i>	<i>dēlala</i>	<i>dēlala</i>	<i>dēlala</i>
			/dēlala	
<i>gīnula</i>	<i>gīnūla</i>	<i>gīnula</i>	<i>gīnula</i>	<i>zgīnula</i>
/диал. <i>gīnūla</i>			/gīnula	

10. Тип **bōdēšь* (РНА: 290) — в формах презенса (перед вторичной долготой); у Крижанича краткость:

²⁹ Но с вариантами: *vāراتи* / *vāрати*.

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
bùdōš	bùdēš /сев. bûdēš	bûdeš /bûdeš	bôdeš	бúдеш
gìnēš	gìnēš /сев. gîneš	gîneš	gîneš	Гíнем
čûjēš	čûjēš /сев. čûješ	čûješ	čûješ /диал. čûješ	Чúеш
kùrûjēš /диал. -eš	kurûjēš /сев. kurûješ	kurûješ /kurûješ	kurûješ /диал. kurûješ	Кутújem
māžēš	māžēš /сев. māžeš	māžeš	māžeš	Мáжем

11. Тип *gǎženъ (РНА: 294) — в причастиях на *-en*; здесь в краткостный суффикс *-'en-* введена «морфонологическая» долгота по аналогии с *-ān-* (?); у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
gǎžen	gǎžen	gǎžen	gǎžen	Гáжен

У Крижанича суффикс причастия *-'en-* ведёт себя как долготный и образует позицию «двух долгот подряд», что проявляется в действии «закона Крижанича» (*хвълъен : творён*) (Ослон 2011: 116) — в таких формах это типично для чакавского (чак. *hvǎļeno*, но *učiñenō*).

В. Перед конечной долготой не из стяжения

12. Тип *prǎgū, *brǎtū (РНА: 299–302) — в формах loc. sg. *o*-основ; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
prǎgu	prǎgu	prǎgu	prǎgu	na samót prǎgu

В издании: «ná wětru» [П 80=*66], что приводит Борысь как пример кайкавской инновации (SnDCz: 24). В рукописи так:

*Tatani saleten i prǎgū wǎret, da žǎret, i zoblyut. Ostiaki suszēt
nā ná solncu i ná wětru bēz soli. Nemci osolīwsi Měso i Ribi, suszēt ie
ná dimu. A slisza iako suszēt mēso i ribi bēz soli na mrazu.*

*Ostiaki suszēt ribi ná solncu i ná wětru*³⁰ *bēz soli. Nemci osolīwsi Měso i Ribi*³¹, *suszēt ie ná dimu.* [Далее зачёркнуто:] *A slisza iako suszēt mēso že i ribi bēz soli i ná mrazu.*

³⁰ Ударение (краткое!) над *wětru* перечёркнуто (как и над *solncu*, *dimu*, *mrazu*). Судя по всему, у Крижанича (неодушевлённые?) *o*-основы а. п. а в loc. sg. могут быть энклиноменами, ср. *ná solncu* [П 58=*47] при *na solncu i dimu* [П 30=*18]; *ná serdcu* [П 254=*201].

У Крижанича окончание loc.sg. *-u* — рецессивное, ср. *ná svetu, Bó gradu, ró gradu, ób Bogu* (ср. Каровић 2010: 80; 2011a: 127–128)³².

13. Тип **nīti* (РНА: 303) — в формах loc.sg. *i*-основ; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>nīti</i>	<i>nīti</i>	<i>nīti</i>	<i>nīti</i>	<i>w' séy dólgoj ráti</i>

14. Тип **lěta* (РНА: 304–305) — в ном./асс.pl. *o*-основ среднего рода; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>lěta</i>	<i>lītā</i>	<i>lěta</i>	<i>lěta</i>	<i>līma</i>
/диал. <i>lěta</i>				
<i>mjěsta</i>	<i>mīstā</i>	<i>města</i>	<i>města</i>	<i>města, mīsta</i>
/диал. <i>mjěstā</i>				
<i>blāta</i>	<i>blātā</i>	<i>blāta</i>	<i>blāta</i>	<i>Blāta</i>
/диал. <i>blātā</i>				

В издании: «mīsta» [П 36=*24] (SnDCz: 98); в рукописи *mīsta*.

Тип **telěta*; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—	—	—	<i>telěta</i>	<i>Телěта</i>

15. Тип **brāti* (РНА: 305) — в формах instr.pl.; у Крижанича краткость (долгота окончания видна по Криж. *Зубї, со Омїу*):

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—	<i>brāti</i>	<i>brāti</i>	<i>brāti</i>	<i>брāти</i>

16. Тип **nogāmi* (РНА: 305–307) — в instr.pl. *a*-основ а. п. *c* и местоимений; у Крижанича краткость:

шток.диал.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>nògamī</i>	<i>nogāmi</i>	<i>nogāmi</i>	<i>nogāmi</i>	<i>Ногāми</i>
		/nogāmi	/диал. <i>nogāmi</i>	
<i>rùkamī</i>	<i>rukāmi</i>	<i>rukāmi</i>	<i>rokāmi</i>	<i>Рукāми</i>
		/rukāmi	/диал. <i>rokāmi</i>	
<i>nāmī</i>	<i>nāmi</i>	<i>nāmi</i>	<i>nāmi</i>	<i>Нāми</i>
		/nāmi	/диал. <i>nāmi</i>	
<i>vāmī</i>	<i>vāmi</i>	<i>vāmi</i>	<i>vāmi</i>	<i>Вāми</i>
		/vāmi	/диал. <i>vāmi</i>	

17. Тип **nogāmā* (РНА: 307) — в instr.du. *a*-основ а. п. *c*; у Крижанича краткость:

³¹ Неясный знак с помаркой над *ribi* (исправлено с циркумфлекса на акут?).

³² А также в а. п. *b*: *nā blizu* (т. к. наречие?).

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>pògata</i>	<i>pogàta</i>	—	<i>pogâta</i> /диал. <i>pogãta</i>	Ногáма
<i>rùkama</i>	<i>rukàma</i>	—	<i>rokâma</i> /диал. <i>rokãma</i>	Рукáма
<i>nàta</i>	<i>nàta</i>	—	<i>nâta</i> /диал. <i>nãta</i>	Нáма
<i>vàta</i>	<i>vàta</i>	—	<i>vâta</i> /диал. <i>vãta</i>	Вáма

18. Тип **nájū* (РНА: 307–308) — в gen./loc. du. местоимений; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—	—	—	<i>nāju</i>	Нáју
—	—	—	<i>vāju</i>	Вáју

19. Тип **nosīti* (РНА: 308–311) — в инфинитивах на *-Vti* а. п. *b* и *c*; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>nòsiti</i>	<i>nosīti</i>	<i>nošiti</i>	<i>nosíti/nosīti</i>	Носúму, <i>nosít</i>
<i>lòviti</i>	<i>lovīti</i>	<i>lovīti</i>	<i>lovíti/lovīti</i>	lowít
<i>kòncati</i>	<i>končàti</i>	<i>končàti</i>	<i>končáti</i>	кончáму
<i>sjèdjeti</i>	<i>sidīti</i>	<i>sedēti</i>	<i>sedēti</i>	сидúм(у), <i>sedít</i>
<i>kòpati</i>	<i>kopàti</i>	<i>kopàti</i>	<i>kopáti</i>	kopát

20. Тип **nosīvā* (РНА: 311–312) — в императивах du. глаголов а. п. *b* и *c*; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—	—	—	<i>vodīva, -īta</i> ³³	Водúва, -úма Водúву, -úму

21. Тип **králā* (РНА: 312–316) — в формах *l*-причастия f. sg. (а. п. *a*, *b*, *c*); у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>kràla</i>	<i>kràla</i>	<i>kràla</i>	<i>krádla</i> ³⁴	ukrála
<i>kòpala</i>	<i>kopàla</i>	<i>kopàla</i>	<i>kopàla</i>	wladála
<i>vòdila</i>	<i>vodīla</i>	<i>vodīla</i>	<i>vodīla</i>	Водúла
<i>trpjela</i>	<i>trpīla</i>	<i>trpēla</i>	<i>trpēla</i> /trpēla	strpēla
<i>dàhnula</i>	<i>dahnūla</i>	<i>dehnūla</i>	<i>dəhnīla</i>	wdachnúla

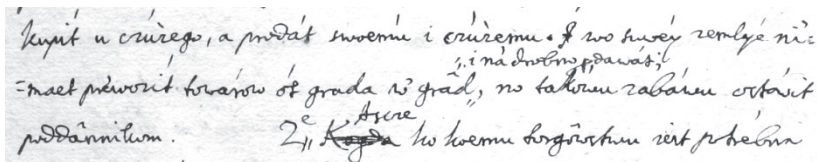
³³ По аналогии новый циркумфлекс введён и в слвн. imp. pl. *vodíte!, vodímo!*.

³⁴ Но при этом слвн. *klàla*.

22. Тип **zabāvā* (РНА: 318–319) — в приставочных *a*-основах; у Крижанича краткость:

шток. ³⁵	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>zábava / zābava /zābava</i>	<i>zābāva</i>	<i>zābava</i>	<i>zabāva</i>	<i>Zābāva</i>
<i>nāvada /nāvada /nāvada</i>	<i>navāda /nāvada /nāvada</i>	<i>navāda /nāvada</i>	<i>navāda</i>	<i>Prūvāda, Nāvāda</i>
<i>zāstava /zāstava /zāstava</i>	<i>zāstava</i>	<i>zāstava</i>	<i>zastāva</i>	<i>Zastāva</i>
<i>pōstava</i>	<i>pōstava</i>	<i>pōstava</i>	<i>postāva</i>	<i>Postāva</i>

В издании: «*zabāwu*» [П 26=*14] (SnDCz: 80); в рукописи *zabāwu*:

I wo swoeý zemlyé nī|maet prewozít towárow ód grada w grád, i ná drobno prodawát; no takówu zabāwu ostáwit poddánnikom.

23. Тип **lopātā* (РНА: 319–325) — в *a*-основах с двусложными основами (в т. ч. с непродуктивными суффиксами); у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>lòpata</i>	<i>lopāta</i>	<i>lopāta</i>	<i>lopáta</i>	<i>Lonáta</i>
<i>sjèkira</i>	<i>sikīra</i>	<i>sekīra</i>	<i>sekīra</i>	<i>sekīra</i>
<i>gòmila</i>	<i>gomīla</i>	<i>gomīla</i>	<i>gomīla /gomīla</i>	<i>mogīla</i>
<i>kòbila</i>	<i>kobīla</i>	<i>kobīla</i>	<i>kobīla</i>	<i>Кобіла</i>
<i>dùbrava</i>	<i>dubrāva</i>	<i>dubrāva</i>	<i>dobrāva</i>	<i>Дубрāva</i>
<i>rùbača</i>		<i>*rubāča</i>	<i>robāča /*robāča</i>	<i>рубāче (loc. sg.) (?)</i>
<i>nèvjesta</i>	<i>nevīsta</i>	<i>nevēsta</i>	<i>nevēsta</i>	<i>Невѣста</i>
		<i>/nevēsta (редк.)</i>		

³⁵ В штокавском и чакавском тут часто (но не всегда) наблюдается неясная оттяжка и колебания в долготе приставки (РНА: 455–458), а в кайкавском, кроме этой неясной оттяжки, ещё и «Ившичева оттяжка» и новый акут на приставке (с колебаниями) (РНА: 325 сн., 355, 456).

В издании: «sekîra» [П 71=*58]; в рукописи *sekira*:

Оборудник, великий палач: Lechom Multanka. Brádwa, mesečasta sekira: czúzim iazikom, Bårdisz, Chalabârda.

Brádwa, mésečasta sekira: czúzim iazikom, Bårdisz, Chalabârda.

В слове **motýkã*: Криж. instr. sg. *Mótikoju*, nom. pl. *Mótiki* [П 56 =*45], как слвн. диал. и кайк. *mõtika* (в отличие от чак. *motika*, штук. *mõtika*), что толкуется как оттяжка нового циркумфлекса с **motika* (ср. слвн. *motika*), в т. ч. в кайкавских говорах, где она не ожидается (РНА: 319). Поэтому это в говоре Крижанича, видимо, — региональный лексический (или акцентный?) кайкавизм³⁶.

24. Тип **prědjã* (РНА: 326–329) — в *a*-основах на *-*jã* а. п. *a*; у Крижанича краткость:

штук.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>prěda</i>	<i>prěja</i>	<i>prěja</i>	<i>prěja</i>	<i>прёѡм</i> (instr. sg.)
<i>pãša</i>	<i>pãša</i>	<i>pãša</i>	<i>pãša</i>	<i>пãша</i>
<i>grîža</i>	<i>grîža</i>	[<i>grîža</i>]	<i>grîža</i>	<i>грîжо</i> (voc. sg.)
<i>vjěda</i>	<i>vîja</i>		<i>věja</i>	<i>вёжо</i> (voc. sg.)
<i>dîna</i>	<i>dîna</i>		<i>dinja/dînja</i>	<i>дîнье</i> (gen. sg.)
<i>gãce</i>	<i>gãce</i>	<i>gãce</i>	<i>gãča</i>	<i>Гãци</i> (nom. du.)
—		<i>sãja</i>	<i>sãja</i>	<i>сãжо</i> (voc. sg.)
<i>srěča</i>	<i>srîča</i>	<i>srěča</i>	<i>srěča</i>	<i>Срîца, Срёца</i>
<i>sjěča</i>		<i>sěča/sěča</i> ³⁷	<i>sěča</i>	<i>сiчо</i> (voc. sg.)
—	<i>kãča</i>	<i>kãča</i>	<i>kãča</i>	<i>кãчо</i> (voc. sg.)
—		<i>hîža</i>	<i>hîža</i> (диал.)	<i>Хiжа</i>
<i>tùča</i>	<i>tùča</i>	<i>tùča</i>	<i>tòča</i>	<i>тyче</i> (gen. sg.)
<i>kùča</i>	<i>kùča</i>		<i>kòča</i>	<i>Кyца</i>
<i>čãša</i>		<i>čãša</i>	<i>čãša</i>	<i>чãша</i>
<i>kãpļa</i>	<i>kãpja</i>	<i>kãpļa</i>	<i>kãpļa</i>	<i>kãplyu</i> (acc. sg.)
<i>vrěča</i>	<i>vrîča</i>	<i>vrěča</i>	<i>vrěča</i>	<i>wrěčich</i> (loc. pl.)
<i>mrěža</i>	<i>mrîža</i>	<i>mrěža</i>	<i>mrěža</i>	<i>Мрёжа</i>
<i>kãša</i>	<i>kãša</i>	<i>kãša</i>	<i>kãša</i>	<i>kãszu</i> (acc. sg.)
<i>prãca</i>	<i>prãca</i>	[<i>prãcka</i>]	<i>prãca</i>	<i>Prãca</i>
<i>grãbļe</i>	<i>grãbje</i>		<i>grãbļe</i>	<i>Грãбльи</i> (nom. du.)

Однако (неясно):

штук.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—			<i>nîja</i>	<i>нyджа</i> */ <i>nîja</i> / (?)

³⁶ Это может объясняться тогдашними экономическими реалиями (например, тем, что мотыга — предмет торговли между кайкавской и чакавской зонами).

³⁷ Ср. Вараждин *sěča*, но Горня Коньшчина *sjěča*.

Г. Перед конечной долготой из стяжения с ером

25. Тип **māl̥ь-ьь* > **māl̥y* (РНА: 329–330) — в членных формах прилагательных а. п. а; у Крижанича — **долгота**.

Сам Крижанич явно указывает на удлинение в членных формах прилагательных как на морфологическое средство: *А Јзрѣдна* [‘членные’] *оказујут вѣц на јзрѣд, и знаменито бѣт таковоу: а творѣтсе от Прѣстих: прибавивши склади Ы, АІА, ОІЕ, или ЕІЕ: и надѣвши Висѣкѣи зѣвлѣк, ако го нѣст на прѣстом [...]. А Хервѣтиј изрикајут без Б, ІА, ІЕ: и једѣним лише зѣвлѣком разлучајут Јзрѣдна от Прѣстих [...]. А где на Прѣстих бѣдет Висѣкѣи зѣвлѣк: тамо нѣст разлици међу прѣстим и јзрѣдним* [Г 62–63; выделение наше]. В большинстве производных прилагательных а. п. А членные формы действительно получают у него долготу:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>māl̥i</i> ³⁸	<i>māl̥i</i>	<i>māl̥i</i>	<i>māl̥i</i>	<i>Мѣлиь</i> ³⁸
/диал. <i>māl̥i</i>	/сев. <i>māl̥i</i>			
<i>stār̥i</i>	<i>stār̥i</i>	<i>stār̥i</i>	<i>stār̥i</i>	<i>Стѣриь</i>
/диал. <i>stār̥i</i>	/сев. <i>stār̥i</i>			
<i>p̥r̥v̥i, p̥r̥v̥i</i>	<i>p̥r̥v̥i</i>	<i>p̥r̥v̥i</i>	<i>p̥r̥v̥i</i>	<i>Пѣрвиь</i>
/диал. <i>p̥r̥v̥i</i>				
<i>prāv̥i</i>	<i>prāv̥i</i>	<i>prāv̥i</i>	<i>prāv̥i</i>	<i>Прѣвиь</i>
/диал. <i>prāv̥i</i>	/сев. <i>prāv̥i</i>			
<i>s̥it̥i</i>	<i>s̥it̥i</i>	<i>s̥it̥i</i>	<i>s̥it̥i</i>	<i>Сѣтиь</i>
<i>dūg̥i</i>	<i>dūg̥i</i>	<i>dūg̥i</i>	<i>dōlgi</i>	<i>Дѣлгиь</i>
	/сев. <i>dūg̥i</i>			
<i>slāb̥i</i>	<i>slāb̥i</i>	<i>slāb̥i</i>	<i>slāb̥i</i>	<i>Слѣбиь</i>
<i>t̥ih̥i</i>	<i>t̥ih̥i</i>	<i>t̥ih̥i</i>	<i>t̥ih̥i</i>	<i>Тѣхиь</i>
<i>plāh̥i</i> (ARj)	[<i>plāh̥i</i>] ³⁹	[<i>plāh̥i</i> _B]	[<i>plāh̥i</i>]	<i>Плѣхиь</i>
<i>vjěšt̥i</i>			<i>vjěšč̥i</i>	<i>Вѣшиь</i>
—			[<i>šūji</i>]	<i>Шѣиь</i>
—			—	<i>Бѣиь</i>

Но в членных формах по крайней мере трёх прилагательных а. п. а у Крижанича неожиданная краткость, причём у двух из них основа исходит на -g:

³⁸ Исконный старый акут, ср. Криж. *Māl*, *Stār*, *Prāv*, *Plāx*, *Višic*, *Šūy*, *Būy* и т. д.; шток. нар. *mālo*, прил. нечл. *stār*, *prāv*, *plāh* и т. д. В штокавском — не новый циркумфлекс, а продлённый новый акут, ср. шток. диал. (Посавина) *māl̥i*, *stār̥i*, как и в чакавском. Этот, очевидно вторичный, новый акут введён в штокавском в несколько частотных прилагательных с сонантным исходом корня (см. Karović 2011b: 114–115, 117–118).

³⁹ Брач *plōhi* (Šimunović 2009).

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>mīlī</i>	<i>mīlī</i> /сев. <i>mīlī</i> ⁴⁰	<i>mīli</i>	<i>mīli</i>	<i>mīliyu</i>
<i>drūgī</i>	<i>drūgī</i>	<i>drūgi/drūgi</i>	<i>drūgi/drūgi</i>	<i>Дру́гий</i>
—	—	—	[<i>ıǫgi</i>]	<i>Ту́гий</i> ⁴¹

Параллельная ситуация в прилагательных *Срѳгий* (видимо, полонизм), *Једнорѳгий*, где не удлинился новый акут (см. п. 48).

Особый случай — прилагательное **velikъ*: в членной форме ударение оттянуто на первый слог, который к тому же удлинён (новый акут)⁴²:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>vēlik</i>	<i>vēlik</i>	<i>veĭik</i>	<i>vēlik</i>	<i>Велѳк, Велѳка</i>
<i>vēlikī/vēlikī</i>	<i>vēlikī (vēlī)</i>	<i>vēliki</i>	<i>veliki/vēliki</i>	<i>Вѳликуь, Вѳликаја</i>

В акутированных суффиксах — у Крижанича долгота:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>bŏgātī</i>	<i>bogātī</i>	<i>bogāti</i>	<i>bogāti</i>	<i>богātиуь</i>
<i>plēšivī</i>	<i>plišjivī</i> _Г	<i>plešivi</i>	<i>plešivi</i>	<i>plisziviy</i>
<i>lāžlivī</i>	<i>laživī</i>	—	<i>lāžlivī</i>	<i>Ložlyiviy</i>
—	—	—	—	<i>Zaieklyivogo</i>
—	—	—	—	<i>Vzgorđlivich</i>
<i>razŏrivī</i>	—	—	—	<i>razorlyivich</i>
—	—	—	[<i>imenīti</i>]	<i>Преименитиуь</i>
<i>plemēnitī</i>	<i>plemenīti</i>	<i>plemenīti</i>	[<i>plemenīti</i>]	<i>Преплеменитиуь</i>

В части таких случаев краткость может быть связана с нечленностью формы, сегментно равной членной, ср. пример, где, возможно, первые два прилагательных нечленны, а третье членно: *Addā i nām iest trēba ucztise; i nadeiātse iako pod czestitīm Blago|czestivogo Cária, i vēlikogo Gdariā Aleksėia Michailowica wladāniem,| mŏc choçem drēwnije diwiaczinī plėsen otėrt: umitelėy se nauczit: pochwalnėyi obçėnia naczin prijāt: i blaženėego stāna doczėkat* [П 101=*81].

Итак, судя по почти сплошному удлинению старого акута перед стяжением в прилагательных, речь идёт о «кайкавском» новом циркумфлексе. Неясно исключение Криж. *mīliyu*.

Прилагательные в сравнительной (и превосходной) степени у Крижанича сегментно могут выглядеть как членные, но в m. nom. sg.

⁴⁰ Новый циркумфлекс — в северночакавском.

⁴¹ У Крижанича, видимо, а. п. А: нечл. *Ту́г*, ср. а. п. С: *Hāg* (чл. *Hāgiuь*)

⁴² Это может объясняться аналогией с бессуффиксальным **vēli* < **vēlъ-jь* (а. п. *b*), ср. шток. нар. *vēle* 'много' при чак. *vēlī* (ARj), а также шток. *vēlī* (ARj), искусственное ударение, извлечённое из старых текстов), ср. также *vēlyi* с мягкостью (Вук: «по југоз[ападним] кр[ажевима]»).

они обычно пишутся без *-ь*, ср. *Véци*, *Hājvéци*⁴³ (но не ***věc*; ср. также только членные формы в штокавском: шток. *věći*). Однако членность тут может быть вторичным морфологическим эффектом. Возможно, именно поэтому у них в корне никогда не бывает долготы, кроме как в результате предсонантного удлинения (см. п. 58)⁴⁴.

26. Тип **mǔšьjь* (РНА: 331) — в gen.pl. *i*-основ; у Крижанича вторичное окончательное ударение: *ratǔ*, *mislǔ*, *radostǔ*, *milostǔ*, *smertěy / smǔtǔl / nitěy*⁴⁵ (а *mǔš* — мужского рода).

Д. Перед павшим ером и стяжением с ером

27. Тип **bǎbьjь-jь* > **bǎbjǐ*; у Крижанича — долгота:

шток.	чак. ⁴⁶	кайк.	слвн.	Криж.
<i>bǎbjǐ</i>	<i>bǎbjǐ</i>	<i>bǎbji</i>	<i>bābji</i>	<i>Bābǐi</i>
	/сев. <i>bābjǐ</i> _Г			
<i>rǐbjǐ</i>	<i>rǐbjǐ</i>	<i>rǐbji</i>	<i>rībji</i>	<i>Rǐbǐi</i>
<i>mǐšjǐ</i>	<i>mǐšjǐ</i>	<i>mǐšji</i>	<i>mīšji</i>	<i>Mǐšǐi</i>
	/сев. <i>mīšjǐ</i> _Г			
<i>pǐčjǐ</i>	<i>pǐčjǐ</i>	<i>(f)tīčji</i>	<i>pīčji</i>	<i>Pǐčǐi</i>
<i>gòvedǐ</i>	<i>govèdji</i>	<i>govédji</i>	<i>gové(d)ji</i>	<i>Govèdǐi</i>
<i>čòvječjǐ</i> ⁴⁷	<i>čovīčjǐ</i>	<i>človēčji</i>	<i>človéčji</i>	<i>Človīčǐi, Človēčǐi</i>
<i>djèvičjǐ</i> (ARj)	<i>divīčjǐ</i>	<i>devīčji</i>	<i>devīčji</i>	<i>divīčǐi (!)</i>
<i>krāvǐ</i> ⁴⁸	<i>krāvǐ</i>	<i>krāvji</i>	<i>krāvji</i>	<i>krāvǐi</i>
<i>kūrjǐ</i>	<i>kūrjǐ</i>	<i>kūrji</i>	<i>kūrji</i>	<i>kūrǐi</i>

Это тоже, очевидно новый циркумфлекс (но, неожиданным образом, в двусложных основах возможна и краткость).

28. Тип **gǔbьkь-jь* — в членных формах прилагательных а. п. *a* с еровыми одногласными суффиксами; у Крижанича — в части случаев долгота (например, **gǔbьkь*, **gǔbьkь-jь* > Криж. *Gǐbek*, *gǐbok / gǐbak /*, чл. *gǐbkiь / gǐpki*):

⁴³ Один раз и *Véциь* (в параграфе, посвящённом этому окончанию, где Крижанич допускает оба варианта, но сам пишет *Véци*). По отсутствию *-ь* (чисто орфографического, не произносимого) видно, что Крижанич считал эти формы нечленными.

⁴⁴ Или же аналогия с наречными формами типа шток. *věce*. В части кайкавских говоров в сравнительных формах представлен новый циркумфлекс, а в части — нет (в Озале — оба рефлекса, см. РНА: 329, сн. 1220).

⁴⁵ В издании «*nǐtey*» [П 48=**34*], в рукописи *nǐtěy*.

⁴⁶ В северночкакавском — с новым циркумфлексом (однако данные скудны).

⁴⁷ Вторичные варианты: *čòvječjǐ*, *čovjèčjǐ*.

⁴⁸ В штоке. *krāvǐ*, *kūrjǐ* закономерно нет удлинения перед сонантом (см. разд. IV) перед долготой (РНА: 566).

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>gǫpkī</i>		<i>gǫpki</i> [/gǫpki]	<i>gibki</i>	<i>gǫbkiŭ</i>
<i>mjěsnī</i>		<i>měsni</i>	<i>městni</i>	<i>mǫstna</i> (n. pl.)
<i>srěčnī</i>	<i>srǫtnī</i>	<i>srěčni</i> ⁴⁹	<i>srěčni</i> /srěčni	<i>srěčniŭ</i>
<i>knǫžnī</i>		<i>knǫžni</i>	<i>knjižni</i>	<i>Knǫžniŭ/knǫžnaia</i> <i>chlěbnoe/chlěbnaia</i>
<i>hlěbnī</i>				

Как видно, в части случаев были варианты, причём иногда Крижанич один из них явно выбирал сознательно: так, в [Г] прилагательное ‘книжный’ — всегда с долготой, а в [П] — с краткостью. В нескольких случаях — только краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>rātnī</i>	<i>rātnī</i>	<i>rātni</i>	—	<i>rātnoe</i> <i>rātnoy</i> (f. loc. sg.) ⁵⁰
<i>jǫžnī</i>	<i>jǫžnī</i>	<i>jǫžni</i>	<i>jǫžni</i> ⁵¹	<i>iǫžnaia</i>
<i>jězičnī</i>		<i>jezični</i>	<i>jezični</i> /jezični ⁵¹	<i>jezičnoŭ</i> (f. loc. sg.)
—			<i>besědni</i> ⁵¹	<i>bescǫdnich</i> (gen. pl.)
<i>zāpadni</i> ⁵²		<i>zāpadni</i>	<i>zapādni</i>	<i>zāpādnich</i> ⁵³ [П *656]

Но долгота перед суффиксом *-*bnjъ-jъ* — по крайней мере в односложных основах (или если первый слог — приставка):

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—			—	<i>Нǫжньи</i>
<i>vǫšnī</i>		<i>vǫšnī_B</i>	<i>vǫšnji</i>	<i>Vǫšniŭ, Jzǫvǫšniŭ</i>
<i>blǫžnī</i>	<i>blǫžnī</i> /blǫžnī _Г	<i>blǫžni</i>	<i>blǫžnji</i>	<i>Blǫžniŭ</i>
<i>srědnī</i>	<i>srǫdnī</i>	<i>srědni</i>	<i>srědnji</i>	<i>Srǫdnīŭ</i>
<i>prědnī</i>	<i>prǫdnī</i>		<i>prědnji</i>	<i>Prǫdnīŭ</i>
<i>pòslednī</i>	<i>poslǫdnī</i>		<i>poslědnji</i>	<i>Poslǫdnīŭ</i> ⁵⁴
<i>zādñī</i>	<i>zādñī</i>	<i>zādñi</i>	<i>zādñji</i>	<i>Zādñiŭ</i>
—	—	—	—	<i>Vscǫdnī, Povscǫdnī</i>
—	—	—	—	<i>Gǫdǫniŭ, Zǫdǫniŭ</i>

⁴⁹ Бедня (Jedvaj 1956: 305); Турополье и Горня Коньщина вторично *srěčni*.

⁵⁰ В издании несколько раз «rātn-» (в рукописи везде *rātn-* или без знака ударения), в т. ч. один раз «rātnich» на утраченной странице [П 12=*2], что скорее всего ошибка ввиду многократного *rātnich*.

⁵¹ Младен Ухлик (л. с.).

⁵² Вариант *zāpadnī* (ср. производящее шток. *zāpad* и *zāpad*, а также *zāpād*).

⁵³ Здесь долгота корня не проявляется в связи с долготой приставки.

⁵⁴ Но и *Poslǫdnīŭ* [О 31°] с твёрдостью.

Однако краткость в двусложных основах на *-šn'* (если первый слог — не приставка): *Овд́ишньи, Онд́ишньи, Везд́ишньи, Тот́ишньи, Вчёр́ишньи*, но *Домáшьни* (русизм?).

Удлинение коснулось и нового акута (с колебаниями, см. п. 50).

Ударный старый акут, отделённый от окончания гласным(и), даёт краткость: *Milostiwiy*, также в причастиях, ср. *ока́яного* (*О мéне брѣдного и о|ка́яного!* [О 54]).

29. Тип **brát'skь-jь* — в членных формах прилагательных а. п. а с еровыми двухсогласными суффиксами; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>brät'skī</i>	<i>bräski_Г</i>		<i>brät'ski</i>	<i>Брátскиь</i>
<i>rüskī</i>			<i>rüski</i>	<i>Рúскиь</i>
—		<i>gověcki⁵⁵</i>	<i>gověd'ski</i>	<i>Говéдскиь</i>
—			<i>deviški</i>	<i>Дивíчскиь</i>

Е. Перед павшим ером и заместительным удлинением (?)

30. Тип **zbr̃nje* (РНА: 334); у Крижанича — **долгота**. Сначала примеры на исконно акутовые корни с шумным исходом:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—		<i>[želēzje_{В,ГК}⁵⁶]</i>	<i>želēzje</i>	<i>želēzje</i>
—			—	<i>bezšēdie</i>
<i>běznāde</i>			<i>brezvlādje</i>	<i>Безчāдје⁵⁷</i>
<i>Pòkūple⁵⁸</i>				<i>Поқūпље⁵⁹</i>
—				<i>Запрāжје⁶⁰</i>

В перечисленных случаях, кажется, можно усматривать именно («кайкавский») новый циркумфлекс, как в членных формах прилагательных (см. пп. 25, 27), правда, в несколько иной позиции (здесь не стяжение, а выпадение сверхкраткого перед йотом)⁶¹.

Это позиция перекрыта предсонантным удлинением; следующие примеры непоказательны, но в них тоже, скорее всего, имеет место новый циркумфлекс, а не предсонантное удлинение (см. разд. IV):

⁵⁵ Озаль (Težak 1990: 198).

⁵⁶ Горня Коньщина *željēzje*.

⁵⁷ Даётся как подлежащее исправлению на *Јáловост* [Г 175], однако производящее есть: *чáдо, чéдо* (а. п. А).

⁵⁸ В штокавском долгота — по аналогии с сонантными основами в этом типе, ср. шток. *Pòdrāvļe*.

⁵⁹ Производящее: шток. *Kūpa*, Криж. instr. *Kūnoju*.

⁶⁰ Ср. рус. *Запоро́жье* ← прасл. *prǣgъ* (а. п. а) (Криж. dat. sg. *prāgu*).

⁶¹ На расстоянии от суффикса ср. Криж. *Кáменје, на повíтерју*.

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>zřńe</i> ⁶²	<i>zřńe/zřńe</i>	<i>zřńe</i>	<i>zřńje</i>	<i>zěrnje</i>
<i>zdrāvļe</i>	<i>zdrāvļe/zdrāvļe</i>	<i>zdrāvje</i>	<i>zdrāvje</i>	<i>Здрāvje</i>
—	—	—	—	<i>Бездѣlje</i>
<i>Podūnāvļe</i>	—	—	[<i>Podōnavje</i>]	<i>Задунāvje</i>

Примеры с исконно долготными приставками⁶³:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>nāsīļe</i>	—	<i>nāsīļe_{В,ГК}</i>	<i>nasilje</i>	<i>nasilie</i>
—	—	—	—	<i>Ĵэдѣlje</i>
—	—	—	—	<i>Превѣrje, прѣвѣrje</i> ⁶⁴

В сочетаниях долготных приставок и корней с новым циркумфлексом устраняется одна из долгот (запись *Ĵэдѣlje*, вероятно, ошибочна), что связано с синхронным запретом на две долготы подряд у Крижанича (кроме ряда позиций, см. п. 59). Изначальное **zā-prāžbje*, регулярно дало бы **zaprāžbje*, так как перед срединным доминантным акутом долготы сократились ещё в праславянском (МПИАС: 91–91; РНА: 463–498), так что здесь долгота могла быть аналогически введена позже (как в прасл. **nakāza*, Криж. *Nākāza*). Если так, то впоследствии она всё равно сокращена — перед новым циркумфлексом (ср. Криж. gen. pl. *nakāz*, см. п. 1)⁶⁵. В противном случае — если она и не вводилась аналогически — приставка просто осталась краткой.

То же можно сказать об образованиях от неаккутовых корней с «иммобилизацией». В долготных корнях «иммобилизованных» производных (независимо от акцентной парадигмы производящего) реконструируется некое ударение, по дальнейшей судьбе тождественное старому акуту, что позволяет писать **zarěčbje* (от **rěka*, а. п. *b*) и **zalěšbje* (от **lēšъ*, а. п. *c*), как **zaprāžbje* (от **prāgъ*, а. п. *a*)⁶⁶. У

⁶² В шток. *zřńe* — не новый циркумфлекс, а удлинение слогового *-j-* перед сонантом *-n-*, закрывающим слог перед **-j-* (причём в штокавских диалектах, где предсонантное удлинение даёт новый акут, имеем *zřńe*); это же явление — при вторичной а. п. В: шток. *zřńce*. То же в шток. *zdrāvļe*.

⁶³ У Крижанича долгота «внутренне присуща» приставкам *īz-*, *prī-*, *zā-*, *nā-*, *rāz-*, *prē-*, *ū-*, а также *sū-* (у прилагательных), но не *po-*, *pod-*, *nad-*, *pred-*, а также *pre-* (у прилагательных). Долгота *īz-* вторична (прасл. **jъz(ъ)-*).

⁶⁴ *Превѣrje* 5× в [Г] и > 10× в [П] (*prewērie*), но один раз *прѣвѣrje* — в параграфе, специально посвящённом этому типу [Г 60], среди трёх слов с этой приставкой (ещё *Прѣmīrje*, *Прѣgōrstje*, см. также сн. 68). Эти и другие примеры говорят в пользу колебания.

⁶⁵ Формы типа gen. pl. *nakāz* у Крижанича ведут себя двойко (см. сн. 161).

⁶⁶ Ср. в другом типе: **pozōlta*, при **zōlto* (а. п. *c*), даёт кайк. *pozlāta* с новым циркумфлексом, могущим быть только рефлексом старого акута, ср. рус. *позолота* (см. п. 22). Впрочем, в этом типе многие западно-южнотславянские диалекты показывают неясное развитие (ср. шток. *pōzlata*, как и *pōstava*).

Крижанича они дают колебания количества приставки и корня (комбинация «долгота-краткость» или «краткость-долгота») после долготной приставки, в т. ч. перед сонантом:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж. ⁶⁷
—			<i>zarêčje</i>	<i>Zāričje</i>
—			—	<i>Zāliscje</i>
—			—	<i>Ĵzrêdje</i>
—			—	<i>Ūvéčje, Uvéčje</i>
—			[<i>prégršče</i>]	<i>Prēgôrčstje</i> ⁶⁸ , <i>Pregôrčstje</i>
<i>náslêde</i>			<i>naslêdje</i>	<i>naslêdia</i> (gen. sg.)
<i>prilīčje</i>			<i>prilīčje</i>	<i>Prilūčje, Razlūčje</i>
<i>ráspūće</i>			<i>razpôlje</i>	<i>Razpūtmje, Prenūtmje</i>
—			—	<i>Zāsinje</i>
—			—	<i>Ūstrānje</i>
—			<i>razmêrje</i>	<i>Rāzmīrje, razmīrie</i>
—			—	<i>Razdēlie</i> 'Diuisata'

После краткостных приставок — ожидаемая долгота корня:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—			<i>brezrêdje</i>	<i>Bezrêdje</i> ⁶⁹
<i>bèzdūšje</i>			<i>brezdūšje</i>	<i>Bezdušje</i> ⁷⁰
<i>bèščāšće</i>			—	<i>Bezčestje</i>
—			<i>podklêtje</i>	<i>Podklūtje</i>
<i>òbličje</i>			<i>oblīčje</i>	<i>Obličje</i>
—			<i>obršje</i>	<i>Obêršje</i>
<i>pòbrêžje</i>		<i>pobrêžje</i>	<i>pobrêžje</i>	<i>Pobrūžje</i>
<i>ùzglāvļe</i>		<i>zglāvļe</i> _{ГК}	<i>vzglāvje</i>	<i>Vozglāveje, Pozglāveje</i>
—			—	<i>Недомīrje</i>
<i>bèzvjērje</i>			<i>brezvērje</i>	<i>Невêrje</i>
—			—	<i>предхрāmje</i>
—			—	<i>Преддвīrje</i> (знач.?)
<i>Pòsāvļe</i>			<i>Posāvje</i>	<i>Pocāveje</i>

Та же закономерность (с подобными колебаниями в долготях в долготных приставках и корне) — при новоакутовом (см. разд. III) и предсонантном (см. разд. IV) удлинениях.

⁶⁷ Почти все эти примеры не очень показательны, так как встречаются лишь в параграфе, специально посвящённом этому типу [Г 60], причём, судя по разному в изданиях, там явно есть помарки (см. сн. 64, 68).

⁶⁸ В издании Хамма (Križanić 1984: 98): «Prēgōrgstje»; вероятно, в рукописи помарки.

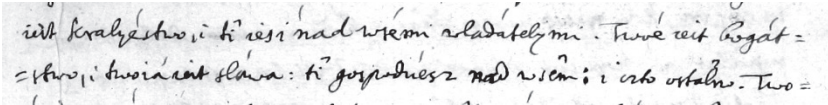
⁶⁹ Производящее: *безрêдного* — с неожиданной долготой.

⁷⁰ Производящее: *бездūшен*.

31. Тип **bogātstvo* (РНА: 334–335); у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>bogatstvo</i>	<i>bogāstvo</i>	<i>bogāctvo</i>	<i>bogātstvo</i>	<i>Богāctвo</i>
<i>brāstvo</i>	<i>brāstvo</i>	<i>brāctvo_B</i>	<i>brāstvo</i>	<i>Брāctвo</i>
—	—	—	<i>svāstvo</i>	<i>swātstvo</i>

В издании «*bogātstvo*» [П 224=*175]; в рукописи *bogāt|stvo*.

Twoé iest bogāt|stvo, i twoiá iest sláva: ...

Ж. Перед долгой из стяжения без ера32. Тип **pādaješ* (РНА: 331) — в презенсе *ā*-глаголов; у Крижанича краткость в старых глаголах:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>rīgām</i>	<i>rīgān</i>	<i>rīgam_{B,ГК}</i>	<i>rīgam</i>	<i>Рiгaм</i>
<i>glēdām</i>	<i>glēdān</i>	<i>glēdam</i>	<i>glēdam</i>	<i>Глēдaм</i>
<i>tīgām</i>	<i>tīgān</i>	<i>tīgam</i>	<i>tīgam</i>	<i>Тiгaм</i>
<i>djēlām</i>	<i>djēlān</i>	<i>djēlam</i>	<i>djēlam</i>	<i>Дiлaм</i>
<i>kāpām</i>	<i>kāpān</i>	<i>kāpam</i>	<i>kāpam</i>	<i>Кāпaм</i>
<i>čr̥tām</i>	—	—	<i>čr̥tam</i>	<i>Чēрtаm</i>
<i>hītām</i>	—	<i>hītam</i>	<i>hītam</i>	<i>Хiтaм</i>
<i>jēcām</i>	<i>jēcān</i>	—	<i>jēcam</i>	<i>Јēцaм</i>
<i>plīvām</i>	<i>plīvān</i>	<i>plīvam</i>	—	<i>Плiвaм</i>
—	<i>plāvān</i>	<i>plāvam</i>	<i>plāvam</i>	<i>Плāвaм</i>
<i>rīdām</i>	<i>rīdān</i>	<i>rīdam_B</i>	—	<i>Рiдaм</i>
<i>kīpām</i>	<i>kīpān</i>	<i>[kīp em]</i>	<i>kīpam/kīpam</i>	<i>Кēрпaм</i>

Но по крайней мере два глагола с колебанием (если это именно варианты, а не функциональное различие):

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>pādām</i>	<i>pādān</i>	<i>pādam_{B,ГК}</i>	<i>pādām</i>	<i>Пāдaм, спāдает</i>
<i>kīdām</i>	<i>kīdān</i>	<i>kīdam_{B,ГК}</i>	<i>kīdām</i>	<i>Kiūдaм, Kūдaм</i>

У Крижанича все итеративы (и вторичные имперфективы, что в его говоре, видимо, синхронно то же самое) на 1. sg. *-am* совершенно регулярно получают долготу в корне, в т. ч. в а. п. А (ср. *Глēдам* : *Возглēдам*), причём он это чётко осознавал, поэтому *Kiūдам* (значение?), *Пāдам*⁷¹ дал среди итеративов (более того — среди глаголов,

⁷¹ В единственном примере инфинитива этого глагола неясно стоит знак ударения — *wpādai* или *wpadát* (?) [П 352=*276], с акутом практически над «d» (при этом в 3. pl. *wpadáiu*, аор. 3. pl. *wpadáchu*), но *спāдает* [О 7], *спāдало* [О 11²].

по его классификации, лишённых исходных форм несовершенного вида⁷²), а *Kúdam* — в другом месте (с итеративом *nakídujem* и другим значением — ‘бросать’, русизм?). В любом случае здесь идёт речь не о новом циркумфлексе, а о морфологическом явлении.

33. Тип **ryʹbojɔ* (РНА: 331) — в instr. sg. *a*-основ; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>rībōm</i>	<i>rībōn</i>	<i>rībom</i>	<i>rībo</i>	<i>rībom</i> (и <i>*rībū</i>)

3. Перед **-CRъ* со вставным ером

34. Тип **sěklъ* (РНА: 331–332) — в *l*-причастии; у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>sjəkao</i>	<i>sikal</i>	<i>sēkel</i>	<i>sēkəl</i>	<i>сикел</i>
<i>vřgao</i>	<i>vřgal</i>	<i>vřgel</i>	<i>vřgəl</i>	<i>Вэргел</i>
<i>pāsao</i>	<i>pāsai</i>	<i>pāsel</i>	<i>pāsəl</i>	<i>Спāсел</i>
<i>ləgao</i>	<i>ləgal</i>	<i>lēgel</i>	<i>lēgəl</i>	<i>Лэгел</i>
<i>strīgao</i>	<i>strīgai</i>	<i>strīgel</i>	<i>strīgəl</i>	<i>ostrīgel</i>

35. Тип **větrъ* (РНА: 332–333); у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>vjətar</i>	<i>vitar</i>	<i>vēter</i>	<i>větər</i>	<i>Витар</i>
—	—	—	<i>kāzən</i>	<i>Кāзен</i>
<i>[mīsao]⁷³</i>	<i>[mīsal]</i>	<i>mīsel/mīsel</i>	<i>mīsəl</i>	<i>Мисел</i>
—	—	—	<i>bāsən</i>	<i>Бāсен</i>

И. Перед павшим внутренним ером

36. Тип **krūšьka* (РНА: 334–335, 337); у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>krūška</i>	<i>krūška</i>	<i>hrūška</i>	<i>hrūška</i>	<i>Хрушков</i> (прил.)
<i>sūkna</i>	—	<i>sūkna</i>	<i>sūknja</i>	<i>sūknja</i>
<i>zīpka</i>	<i>zīkva</i> [<i>zīkva</i>]	<i>zīpka/zīpka</i> ⁷⁴	<i>zībka</i>	<i>zībke</i> (loc. sg.)
<i>vīšna</i>	<i>vīšna</i>	<i>vīšna</i>	<i>vīšnja</i>	<i>вишньи</i> (gen. sg.)
<i>būkva</i>	<i>būkva</i>	<i>būkva/būkva</i>	<i>būkva</i>	<i>Бўква</i>
<i>tīkva</i>	<i>tīkva</i>	<i>tīkva</i>	<i>tīkva</i>	<i>Тўква</i>

⁷² Такие формы Крижанича называет *obstōjna ričina* ‘самостоятельный [?] глагол’ (или, может быть, ‘глагол состояния’), которому противопоставляются *jednokrātna* и *vnožekrātna* [Г 82].

⁷³ См. Каповић 2009а.

⁷⁴ Ср. *zēipko* (Jedvaj 1956: 301), но также *zīpka* (РНА: 337) и *zīpka*.

37. Тип **svāđbba* (РНА: 335); у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>svādba</i>	<i>svādba</i>	<i>svādba</i>	<i>svātba</i>	<i>Свāдба</i>

38. Тип **sītъce* (РНА: 391–392 сн. 1428) у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—		<i>sīce</i>	<i>sītce/sītce</i>	<i>cūtъce</i>
<i>kōrice</i> (ARj)		<i>korīce</i>	<i>korūtce/korūtce</i>	<i>корūtъce</i>

Новый акут в уменьшительных на *-*ъce* во всех примерах с сонантом (и одним без сонанта) продлён (см. п. 56).

39. Тип **blātъna* (РНА: 336) — новый циркумфлекс в нечленных формах с конечным гласным (при акуте в формах с павшим конечным ером); у Крижанича краткость:

шток. ⁷⁵	чак. ⁷⁵	кайк. ⁷⁵	слвн.	Криж.
<i>blātan</i>	<i>blātan</i>	<i>blāten</i>	<i>blātən/blātən</i>	<i>blāten</i>
: <i>blātna</i>	: <i>blātna</i>	: <i>blātna</i>	<i>blātna</i>	: <i>blātno</i>
<i>slīčan</i>	<i>slīčan</i>	<i>slīčen</i>	<i>slīčən</i>	<i>слīчен</i>
: <i>slīčna</i>	: <i>slīčna</i>	: <i>slīčna</i>	: <i>slīčna/slīčna</i>	: <i>слīчно</i>

Итог. У Крижанича новый циркумфлекс имеется в четырёх наших позициях, которые, однако, по большому счёту, сводятся к двум: (1) в членных формах прилагательных — непроезвонных и произвонных с полногласными суффиксами (см. п. 25), произвонных с еровыми (но только одногласными) суффиксами (с колебаниями, см. п. 28), притяжательных на *-*ъjb-ъjъ* (см. п. 27), а также (2) в производных собирательных существительных на *-*ъje* (см. п. 30). В первом типе случаев на следующем слоге получилась долгота из стяжения: *-*ъjb* > -*ī*, а во втором можно предполагать удлинение за павшим ером: *-*ъje* > -*jē* (в кайкавском это неважно, см. ниже).

Обе эти позиции, на первый взгляд, похожи на фонетические: так, в первой новоциркумфлексное удлинение как будто связано с поздней долготой из стяжения в следующем слоге (**mālъ-jъ* > **mālŷ*, как **bābъjb-ъjъ* > **bābjī*⁷⁶, и **gyъbъkъ-jъ* > **gyъbkŷ*), а во второй — с заместительной долготой (**želēzъje* > **želēzjē*?). В притяжательных на *-*ъjb-ъjъ* есть одно-два исключения, а членным с еровыми суффиксами у Крижанича, кажется, присуци систематические колебания, кото-

⁷⁵ О вторичных вариантах в этом типе см. Karović 2011b: 376–381.

⁷⁶ Нет гарантии, что мы здесь верно восстанавливаем членную форму притяжательного прилагательного, которая на самом деле сама по себе (в ном. sg.) может быть результатом морфологической перестройки, т. е. быть заменой нечл. **bābъjb* (МПАС: 115), что дало бы ***bābī* (без йота). Фонетически эти формы ведут себя так, как если бы были членными.

рые можно толковать в т. ч. и как факультативное устранение долготы корня под влиянием производящих (ср. колебание *chlěbnoe* ~ *chlěbnaia* при *chlěb*, *Хліб*).

Что касается второй позиции (перед **-bje* > **-jē*), то здесь положение неясно. С одной стороны, новый циркумфлекс в таких производных не знает исключений у Крижанича; с другой — его нет в той же (?) позиции в производных типа **brāťstvo* > **brāťstvō* (?) > Криж. *Братство*, где оно закономерно в кайкавском (см. п. 31). Кроме того, в кайкавском новый циркумфлекс перед **-bje* появляется вовсе не в связи с удлинением после йота, а просто перед падающим сверхкратким (РНА: 334–335).

Если считать этот новый циркумфлекс «кайкавским», то обращает на себя внимание малое число позиций, где он проявляется у Крижанича. Интересно также, что в северночакавских говорах, где тоже имеется новый циркумфлекс, он представлен в другом наборе позиций: в членных формах прилагательных (*mālī*) и *e*-презенсах (*gīnēs*), которые вряд ли сводимы фонетически. Если пытаться искать фонетическое объяснение этим удлинениям в чакавском, придётся предлагать совершенно разные сценарии (и наборы позиций) для северночакавского и говора Крижанича. Всё это наводит на мысль, что речь идёт не о фонетических изоглоссах, а о «морфонологических», т. е. таких, которые, несмотря на свою высокую регулярность, проявляются лишь в определённых морфо(но)логических позициях и не являются результатом фонетической эволюции. Тогда это «морфонологические» кайкавизмы.

«Треугольник». Учитывая, что Крижанич происходил из-под Рибника, посмотрим, какие удлинения старого акута представлены в современном тамошнем говоре. Тежак специально даёт соответствия из Рибника, Озаль и говора Крижанича (Težak 1990: 197–206; даём вместе разные типы; все они по отдельности разобраны выше):

Крижанич	Рибник	Озаль
<i>Јабланов</i>	<i>jāblanov</i>	[<i>jablānov</i>]
<i>Буква</i>	<i>būkva</i>	
<i>чрїшњи</i> (gen. sg.)	<i>črīšnja</i>	<i>čerīšnja</i>
<i>Телѣтина</i>	<i>tēletina</i>	<i>telētina</i>
<i>Мїјем</i>	<i>mījem</i>	<i>mījem</i>
<i>Грїјем</i>	<i>grījem</i>	<i>grījem</i>
<i>Бљўјем</i>	<i>blūjem</i>	
<i>Кљўјем/Кльўјем</i> ⁷⁷	<i>kļūjem</i>	[<i>kļūnem</i>]
<i>Сўнем</i>	<i>sūnem</i>	<i>sūnem</i>

⁷⁷ Исконно **pljūjō* а. п. а, но **kljūjō* а. п. б (МПАС: 247).

Крижанич	Рибник	Озаль
<i>Zínem</i>	<i>zînem</i>	<i>zînem</i>
<i>Rínem</i>	<i>rînem</i>	<i>rînem</i>
<i>Vídim</i>	<i>vîdim</i>	<i>vîdim</i>
<i>Sédem</i>	<i>sêdem</i>	<i>sêdem</i>
<i>Dënem</i>	<i>dënem</i>	<i>dënem</i> (вторично)
	<i>gûske</i>	<i>gûske</i>
<i>Xrúшков</i>	<i>rûшков</i>	<i>rûшков</i> (вторично)
<i>želézni</i>	<i>žëlezni</i> (оттяжка)	<i>želízni</i> (вторично) ⁷⁸

В примерах Тежака с долготой во всех трёх сравниваемых говорах: Рибник, Озаль *krâvli*, *zdrâvle* (= Криж. *Krâvju*, *Здрâvje*), скорее всего, имеет место новый циркумфлекс, хотя теоретически это может быть и предсонантное удлинение (примеров из Рибника без сонантов нет). Однако в Рибник gen.pl. *zâjcev* (= Криж. *zâicev*) — чакавское предсонантное удлинение (см. п. 59, ср. Криж. *stârca*, но *blâtno*), а в Озаль *zâjcev* — новый циркумфлекс^{79, 80}.

Единственные имеющиеся у нас примеры из Рибника с новым циркумфлексом вне Крижаничевых позиций (Težak 1990: 2005): Рибник *trgâtva* (Озаль⁸¹ так же), но Криж. *Тергáтва*⁸², Рибник *trîba*

⁷⁸ Новый циркумфлекс затёрт в примерах типа *vñnem*, *vřžem* i *zadřžnem* ввиду обязательного сокращения слогового *-řž- в Озале и Рибнике (Težak 1981b: 230, 1996: 91). Это сокращение широко распространено и в штокавском (ср. шток. *třs*, диал. *třs*, см. РНА 745–746; заметим, что такие сокращённые варианты даны как единственные в словаре НЈР [hjp.znanje.hr], что связано с боснийским произношением составителя). Что касается Крижанича, то у него слоговое -řž-, в принципе, не сокращается (Криж. *Тêрн*, *Кêрв*, *Бêрв*, *Тêрст*, *Бêрз* и др., в т. ч. безударно: *Вêрба* [O 47]; о рефлексах и записи Крижаничем слоговых сонантов см. Ослон 2011: 258–259). Единственный пример сокращения: Криж. *тêрс* (gen.mn. *Терсôв*, т. е. а. п. С), причём это также редкий и ценный пример грависа на односложной форме (в обычных случаях в однословах соответствующего рефлексу краткого нового акута, см. Ослон 2012: 73).

⁷⁹ В кайкавском здесь (перед павшим ером) всегда новый циркумфлекс (если позже не устранён аналогически), независимо от природы закрывающего слог согласного, тогда как большинство штокавских и чакавских говоров дают тут предсонантное удлинение типа *stârca* (или *stârca*, см. карту в РНА: 558–559), а в типе *blâtna* остаётся краткость. В этом отношении говор Крижанича ведёт себя как чакавский, а не как кайкавский.

⁸⁰ Кроме того, в приводимой Тежаком паре Рибник *krâdem* и Озаль *krâdem* — не новый циркумфлекс, а старая долгота в презенсе а. п. С при инфинитиве а. п. А (= Криж. *Krâdem*, *Krâctи*). В описании морфологии Крижанича эта глагольная акцентная парадигма названа «САВ» (Ослон 2009: 158). Что касается приводимого Тежаком Рибник *trêci* (Криж. *Трêтъи*, Озаль *trêti*), то это новый акут (см. п. 48).

⁸¹ Озальский говор (Težak 1981b: 241–263) имеет новый циркумфлекс во всех типичных кайкавских позициях (за некоторыми исключениями, в основ-

(Озаль так же), но Криж. *трѣба*, Рибник *žétva* (Озаль так же), но Криж. *Жѣтва*⁸³. Эти примеры из Рибника — явно новейшие акцентные кайкавизмы.

Итак, из имеющихся данных очевидным образом явствует разительное отличие (преимущественно) чакавского говора Рибника (с небольшим рядом позднейших акцентных кайкавизмов) от кайкавского озальского говора (с последовательным новоциркумфлексным удлинением в большинстве позиций). То же положение — с новоакутовым удлинением (см. конец разд. III). Значит, несмотря на нехватку данных (нет примеров как раз на Крижаничевы новоциркумфлексные позиции), говор Рибника, видимо, можно считать консервативным потомком говора «крижаничевского типа» (напомним, что Рибник — родина Крижанича).

Что касается прочих говоров «треугольника» (т. е. исконно чакавских), то там встречаются примеры нового циркумфлекса и в кайкавских позициях, где у Крижанича (и в Рибнике) его нет. Так, в зоне к северо-западу от Дубоваца отмечено (как нетипичное) *črīšña* (наряду с *črīšña*) i *sīce* ‘ситце’ (Криж. gen. sg. *чрѣшны; Сѣтце*) (Finka, Šojat 1973: 105). Для всего треугольника (без конкретизации) Тежак даёт в т. ч. *měla* ‘мука’, *vidim, kolēna* (Težak 1981a: 179) (Криж. *Вѣдум, лѣта*). В треугольник входят современные юго-западные двухакцентные говоры сёл Юговац, Брезник (Озальски), Мартински Врх, Горня Страна, Голи Врх, Грдун, Приселци, в которых (в числе мест в т. ч. вне треугольника) Тежаком отмечена «relativno česta metatonija» (Težak 1982: 293–294) в примерах с новым циркумфлексом: *želūdac, lāstavica*⁸⁴, *vūsница, črīšña, rūška, mēla, cēstum, jābuk, lūbičic, lēta, kolēna, korīta, z nāmi, čūjem, kupūjem* и др., в т. ч. с новым циркумфлексом предположительно на месте продлённого нового акута: *z mānum* (Криж. gen. *желѹдѹца, вос. лѹстовицо, pl. лѣта, мѣноју * / mѣну /, нѣми, Чѹjem, Купѹjem*) и *kāčji, tīci* (Криж. *Птѹчју*), а также *lētni* (ср. колебание Криж. *chlēbnoe, chlēbnaia*). Что понимается под «относительно частой метатонией» в нашей (т. е. примыкающей к «истинно кайкавской») зоне, ясно из утверждения Тежака, что в северо-западных трёхакцентных говорах («истинно кайкавских») имеется «veoma velik broj primjera metatonije» (Težak 1982: 295). В этом, видимо, и состоит

ном аналогического характера — особенно в пограничных говорах сёл Подграй и Пожун. Схожее положение в с. Тушкани (Mužek 2019: 36–38). Это «истинно кайкавские» говоры рядом с «треугольником Крижанича».

⁸² Тежак даёт также Криж. *tergātva*, но у Крижанича этой формы нет.

⁸³ Кроме того, Храсте (неизвестно, насколько достоверно) даёт для зоны Рибника, Липника и Обрха *dēlam, naprāvil* и *hīža* (Hraste 1963: 28, 29).

⁸⁴ Вторичный новый циркумфлекс (РНА: 338, сн. 1254).

отличие говоров со спорадическим и непоследовательным (прежде всего, безусловно, контактным и вторичным) и систематическим (очевидно, исконным) новым циркумфлексом в кайкавских позициях.

Менее скудны данные из с. Задобарье (Marinković 2017), где кайкавский новый циркумфлекс находим в: *črīšna, ženīdba, molītva*⁸⁵, *želūdac* (там же: 116), *govēdina, gāvran*, в т. ч. предположительно на месте продлённого нового акута: *kōra, kōža, mēla, mēnum (tēbum, sēbum)* (там же: 113, 117) — во всех этих позициях у Крижанича удлинения нет (а в Задобарье, если этот говор восходит к говору крижаничевского типа, это можно списать на поздние кайкавизмы), а также *nēki* (там же: 117), причём удлинения нет в Задобарье *pāuk, bābin, rībnik, īstina, svōra, slōga, stēla, bābum* (так во всех формах instr.sg. ā-основ а. п. А), *lēta* (так во всех формах nom.pl. o-основ среднего рода а. п. А⁸⁶), instr.pl. *brāti* (так во всех таких формах), *ženāmi, rukāmi, petāmi, prāgu* (так во всех) (там же: 117), *vīšna, māčka* и др. (там же: 119). Любопытно, что в Задобарье, входящем, как кажется, в «треугольник», новый циркумфлекс отсутствует в позиции, где он есть у Крижанича, а именно — в немалом ряду членных форм прилагательных а. п. А, ср. Задобарье (там же: 117) *stāri, slābi, pīvi* (при Криж. *Стāриь, Пёрвиь, Слāбиь*). В Задобарье *drūgi, vēci* нового циркумфлекса нет, как и у Крижанича (*Дрūгиь, Вēциь*, см. п. 25). Задобарье *krāvji* соответствует Криж. *Krāvju*, но при этом ср. уже упомянутое *nēki* (как и *kokōšji* с новым акутом — вторично по типу В) при Криж. *Hīki, nēkiy*⁸⁷. Глагольные примеры и Задобарья двойственны, ср. презенс с краткостью (там же: 118): *brīšem, čīstim, gāzim, plāčem, gīnem, štrīkat, putūjem, kupūjem* и др.⁸⁸, но и с новым циркумфлексом⁸⁹: *čūjem, rīžem, kāšjem, lāje, vīdim, dēlam*⁹⁰. Причастия на *-an*: *namāzan*, но и *narīzan*; в *l*-причастиях надёжных примеров на новый циркумфлекс нет⁹¹. Несмотря на большую, чем в Рибнике, за-

⁸⁵ Вряд ли в последних трёх примерах имеет место позднее чакавское удлинение в закрытом ударном слоге, вопреки М. Маринкович (Marinković 2017: 116), следующей в этом за И. Лукежич (см. РНА: 605–606, 609).

⁸⁶ Хотя Тежак в таких примерах ставит циркумфлекс для всего «треугольника» (см. выше).

⁸⁷ У Крижанича это не членная форма, а прозрачное сложение *ni-/ne- + kī* (f. *kā*, n. *kō*); он пишет также *Hīkoby* и т. д.

⁸⁸ Пример Маринкович *mōrem* ‘могу’ сюда не относится.

⁸⁹ Вряд ли это северночакавский циркумфлекс в *e*-презенсах, вопреки Маринкович (в её примерах долгота не только в *e*-презенсах, но и в них она не сплошная).

⁹⁰ Пример Маринкович *spotīneš* тут ни при чём (а. п. В', а не А).

⁹¹ Пример Маринкович *šīšal* относится к а. п. В'; *pīla* — а. п. С', как *i bila* (если это ‘быть’, а не ‘бить’, тогда как *grīzal* может содержать не новый циркум-

свидетельствованность нового циркумфлекса в Задобарье, и здесь он на самом деле лишь спорадический, причём чаще отсутствует, что может указывать на позднюю и непоследовательную кайкавизацию (акцентное влияние).

Тежак, специально сравнивая «*frekvenciju metatonije*» в разных частях «треугольника», заключает, что выше всего она на северо-востоке (в «истинно кайкавских» пригорских говорах, в т. ч. сёл Приби́ч, Краши́ч, Трг), ниже к югу (в пограничных кайкавских пригорских говорах вокруг сёл Храш́че, Яшково, Махи́чно⁹²), и ещё ниже дальше на юго-запад (в чакавских сёлах Рибник⁹³, Росопаньк, Нетрети́ч и Задобарье).

На северо-востоке (в «истинно кайкавском») налицо сохранение кайкавского нового циркумфлекса во всех типичных позициях, причём и в пограничных кайкавских говорах новый циркумфлекс был своё время присущ всем этим позициям, но в части их он аналогически устранён внутренним развитием при возможном воздействии соседних чакавских говоров «треугольника», не знавших нового циркумфлекса в этих позициях (это бы объяснило отсутствие нового циркумфлекса в таких кайкавских говорах в ряде категорий при его полной сохранности в более «глубоких» кайкавских говорах).

Это, видимо, означает, что, по крайней мере, новейшее кайкавское влияние распространялось с северо-востока на юго-запад, причём речь идёт о совсем недавнем времени (после Крижанича), и влияние это было достаточно спорадическим (постепенное и несистематическое заимствование носителями чакавских говоров кайкавских элементов, в т. ч. акцентных; ср. подобную ситуацию в нижнесуллинском диалекте, см. Карови́ч 2009b).

флекс, а вторичный новый акут (**grīzal*), ср. шток. диал. Равча (под Вргорацем) *grīzā* при литер. *grīzao*, а также кайк. (Велика Раковица) *grīsti* (March 1981: 269).

⁹² Согласно неопубликованным данным М. Мужека, в с. Махи́чно хорошо сохранился лексический новый циркумфлекс, который, однако, часто (по крайней мере, факультативно) теряется в словоизменении. То, что это поздние внутренние аналогии (с возможным дополнительным влиянием смежных чакавских говоров без нового циркумфлекса), видно по сохранению лексического нового циркумфлекса (когда он не входит в морфологические чередования), а также и по вариантам вроде nom.pl. *města* ~ *města* (по аналогии с nom.sg. *město*), но только nom.pl. *jětra* (это plurale tantum, без формы sg., могшей аналогически воздействовать на pl.). Достоверное и исчерпывающее описание новоциркумфлексных позиций в смежном с Махи́чно (и очень близком) говоре с. Тушкани см. в Mužek 2019: 36–38, причём там, в отличие от Махи́чно, новый циркумфлекс отмечен во всех обычных кайкавских позициях, кроме ряда случаев его аналогического устранения.

⁹³ Для Рибника имеем лишь несколько примеров с новым циркумфлексом (явно вторичным) — вне позиций, где он имеется у Крижанича (см. выше).

Однако данные Крижанича указывают на существование в прошлом — до XVII в. — «систематической» кайкавской группы изоглосс, в той или иной мере морфо(но)логической, а именно: в двух позициях, где у Крижанича представлен — (почти) безысключительно — новый циркумфлекс. Эти изоглоссы фонетическим образом захлестнули все кайкавские и словенские говоры, а также, как явствует из сказанного, некоторые пограничные чакавские говоры, в т. ч. говор Крижанича (вероятно, нефонетически).

II. Новый циркумфлекс из стяжения

Во всех случаях идёт речь о стяжении двух слогов, из которых первый ударен, в один — с нисходящей интонацией (позже фонетически, но не по поведению, сливающейся со старым циркумфлексом).

40. Тип **pŭtǎjěš̆ > *pŭtǎš̆* (РНА: 340–343)⁹⁴ — везде (в т. ч. у Крижанича) с оттяжкой по «закону Ившича» (РНА: 342)⁹⁵:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>pītam</i> /диал. <i>pītām</i>	<i>pītān</i>	<i>pītam</i>	[<i>pītam</i>]	<i>Pītam</i>
<i>mījěšām</i> /диал. <i>mīšām</i>	<i>mīšān</i>	<i>měšam</i>	<i>měšam</i>	<i>Mīšam</i>
<i>stūpām</i> /диал. <i>stūpām</i>	<i>stūpān</i>	[<i>stūpam_B</i>]	<i>stópam</i>	<i>Ступам</i>
<i>bīvām</i> /диал. <i>bīvām</i>	<i>bīvān</i>		<i>bīvam</i>	<i>Bīvam</i>

⁹⁴ О ранней датировке этого стяжения — до сокращения старого акута — см. РНА: 342 сн. 1263.

⁹⁵ Любопытно, что первооткрывателем «закона Ившича» можно считать Крижанича. Он сразу заметил, что его стяжённым формам типа *bīvaš̆*, *stūpaš̆* и т. д. соответствуют, например, рус. *бываешь*, *ступаешь*, но на первых порах это русское ударение считал вторичным (якобы испорченным польским влиянием); вот как он его критикует в «Объяснении» (это его первое языковедческое произведение): *Руско завлáчење јндѣ јест смѹчено из Лѣискогo: кáкот гдѣ гoвóрят Бивáју, Посилáеи, Начинáет: мѣстo Бѣвају, Посѣлаеи, Начинáет* [О 56]. Здесь в рекомендуемых Крижаничем формах (*Посѣлаеи* и т. д.) он искусственно снимает стяжение (олитературивая язык), но ставит своё ударение (и так делает в авторской речи), однако позже он, очевидно, понял, что это систематическое явление, и в последующих текстах уже сам пишет только *бивáјет*, *posiláet* (но в таблицах даёт стяжённые формы *bīvam*, *Posilám* и т. д.). Трудность Крижанича состояла в том, что у него и в 3. pl. ударение аналогически оттянуто: *Bīvajum* [О 4], ср. исконное место ударения в шток. *bivajū < bīvājū*.

41. Тип **korǎješъ* > **korāšъ* (РНА: 343) — у Крижанича в основном без оттяжки (кроме двух глаголов):

шток.	чак. ⁹⁶	кайк. ⁹⁷	слвн.	Криж.
<i>igrām/igrām</i> ⁹⁸	<i>igrān/igrān</i>	<i>igram/igrām</i>	<i>igrām</i>	<i>igrām se</i>
<i>peļām</i>	<i>peļān/peļān</i>	<i>peļam/peļām</i>	<i>peļjām</i>	<i>Пельām</i>
<i>mōtām</i>	<i>mōtān/mōtān</i>	<i>mōtam/mōtām</i>	<i>mōtām</i>	<i>Мотām</i>
<i>voñām</i>	<i>voñān/voñān</i>	<i>voñam/voñām</i>	<i>vonjām</i>	<i>Воньām</i>
<i>sēdlām</i>	<i>sēdlān/sēdlān</i>	<i>sēdlam/sēdlām</i>	<i>sedlām</i>	<i>Седлām</i>
<i>kōncām</i>	<i>kōncān</i>	<i>kōncām</i>	<i>kōncām</i>	<i>Кончām</i>
<i>kōrām/kōrām</i>	<i>kōrān/kōrān</i>	<i>kōram/kōrām</i>	<i>kōrām</i>	<i>кōпам</i>
<i>imām/imām</i>	<i>imān/imān</i>	<i>imam/imām</i>	<i>imām</i>	<i>Јмам</i> ⁹⁹

Ряд глаголов сокращают корневой гласный (РНА: 347–349):

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>vjenčām</i>	<i>vinčān</i>	<i>vēnčam/venčām</i>	<i>vēnčam</i>	<i>Венчām</i>
<i>divļām</i>	<i>divļān</i>	<i>divļam/divļām</i>	<i>divjām</i>	<i>Дивјām se</i>
<i>mrmļām</i>	<i>mrmļān</i>	<i>mrmļam/mrmļām</i>	<i>mrmrām</i>	<i>Мермрām</i>
<i>brbļām</i>	<i>brbļān</i>	<i>bṛbram/brbrām</i>	<i>brbrām</i>	<i>Бербрām</i>
<i>obēcām</i>	<i>obečān</i>	<i>obēčam/obečām</i>	<i>obēčam/obēčam</i>	<i>Обеучām</i> ¹⁰⁰

В отличие от шток. *glāsām*, долгота в Криж. *glāsam*¹⁰¹.

42. Тип **rǒjāsъ* (РНА: 340): неясно, было ли это стяжение:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>zēc</i>	<i>zēc</i>	[zājēc]	[zājēc]	[zāica (gen. sg.) ¹⁰²]
<i>rǒjas/pās</i>	<i>pās</i>	<i>rǒjas/pās</i>	<i>pojās/pās</i>	<i>pojāc</i> ¹⁰³

⁹⁶ См. РНА: 344–345.

⁹⁷ См. РНА: 345–346. В пригорском ударно всегда окончание, как у Крижанича.

⁹⁸ Подробнее см. РНА: 343–344, 351–354.

⁹⁹ Вторично в этом типе (из «полутематического» **jmtāъ*, РНА: 344, сн. 1269; Каровић 2018: 252–253).

¹⁰⁰ Глагол *Обеучām* (заимствование во всём ареале?) Крижанич производит от *Веучām* с краткостью (ср. шток. *vijēcām*, но и *vjēcām*), то же в паре *виучām* : *Возвиучām* (всё это у него может быть из русского). Колебание в *чїтам*, *чїтам* (вторая форма у Крижанича с пометой «лїшско», т. е. полонизм), но инф. только *чїтам*. Этот глагол — вряд ли из говора Крижанича (у него *Чтём*, инф. *Чѣст* и *Чтām*), ср. дублиеты в шток. *čїтам*, инф. *čїtati*; реже (в Далмации) *čїtām*, инф. *čїtati* (при устар. *šїjēm*, *šїm*, инф. *šїti*).

¹⁰¹ Ср. также чеш. *hlāsati* с неожиданной долготой (при *hlas* ‘голос’).

¹⁰² Со вторичным еревым суффиксом, т. е. **zājъsъ* (ср. слвн. *zājęc*).

¹⁰³ Может быть, у Крижанича стяжение было (**rās*), но он его не отразил на письме. Впрочем, такой вариант встречается в кайкавском, ср. Вараждин *rǒjas* < **pojās*, gen. *pojāsa*, loc. *v pojāsu*.

Итог. Раннее стяжение у Крижанича даёт ожидаемый новый циркумфлекс, который закономерно оттягивается на слог влево по закону Ившича.

«Треугольник». В Рибнике все упомянутые формы начальноударны (поздняя оттяжка, уже после Крижанича), а из остальных исконно чакавских говоров данные слишком скудны (в кайкавском Озале эти формы конечноударны; там оттяжка не произошла, но Озаль нет смысла сравнивать с говором Крижанича).

III. Долгий новый акут из краткого нового акута

«Новым акутом» мы здесь называем не только собственно новый акут на старом месте (или полученный оттяжкой со следующего ера), но и то, что В. А. Дыбо назвал «ударением типа нового акута» (ударение, полученное сдвижкой на неакутовый слог с предыдущего слога по закону Дыбо–Иллич–Свитыча), а также «иммобилизационный» новый акут, стоящий в иммобилизованных приставочных образованиях типа прасл. **nāròdъ*¹⁰⁴.

Как показали недавние изыскания (РНА: 380, Карови́с 2017: 610 сн. 16), новоакутовое удлинение (продление краткого нового акута в кайкавском и словенском) наблюдается в следующих условиях:

- (1) перед доминантной долготой в последнем открытом слоге¹⁰⁵:
 - (а) непосредственно перед ней (прасл. **sèlā̃* > кайк. *sèla*)
 - (б) через внутренний сверхкраткий (**lòньсċ̣* > кайк. *lònes*)
- (2) перед долготой из стяжения (**nòvъjъ* > **nòvŷ* > кайк. *nòvi*)
- (3) перед внутренним слабым ером:
 - (а) если первый согласный — сонант (**pèрьce* > кайк. *pèrce*)
 - (б) если второй согласный — йот (**snòрьje* > кайк. *snòpje*)¹⁰⁶.

Это удлинение покрывает всю кайкавско-словенскую область, а в части позиций захватило и пограничные чакавские и штокавские говоры. Речь может идти о «волновом» наступлении фонетической изоглоссы в условиях диалектной чересполосицы — и тогда это совершенно регулярный процесс (каковым, судя по безысключительности рефлексов, и был охвачен говор Крижанича) — или же об изоглоссе морфо(но)логической природы — когда в соседние говоры проникают те или иные типы рефлексов лишь в определённых мор-

¹⁰⁴ О возможной связи такого ударения с законом Дыбо–Иллич–Свитыча см. РНА: 455.

¹⁰⁵ Речь идёт об окончаниях, бывших ударными в а. п. с (что выражалось, видимо, в высоте тона, в отличие от низкого тона в рецессивных морфемах).

¹⁰⁶ Могут, естественно, выполняться оба эти условия, т. е. не только **-RъC-* (ср. кайк. *pèrce*) но и **-Cъj-* (ср. кайк. *pèsji*), что вкупе даёт **-Rъj-* (ср. кайк. *pèrje*, см. РНА: 390–396).

фологических категориях¹⁰⁷ (детали этих процессов пока неясны в т. ч. ввиду скудости данных из чакавских и штокавских говоров, пограничных с кайкавскими).

Сводка рефлексов:

		шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж. ¹⁰⁸
А	43. *žēnĕ	+	+	+	+	+
В	44. *sĕlā	—	—/+	+	+	+
	45. *stòlū	—	—	+	+	(—)
	46. *stòlŷ	—	—	+	+	(—)
	47. *vòljā	—	—	+	+	—
Г	48. *nòvъ-jъ	—	—/+	+	+	+
	49. *rĕsъjъ-jъ	—	—	+	+	+
Д	50. *kònjъnъ-jъ	—	—	+	+	±
	51. *kònjъskъ-jъ	—	—	+	+	±
Е	52. *gvòzdbje	—	—	+	+	+
	53. *vĕdòvъstvo	—	—	+	+	(+)
Ж	54. *mъnojъ	—	—	+	+	—
И	55. *lònъcъ	—	—	+	+	(—)
	56. *sĕlъce	(+)	(+)	+	+	(+)
	57. *stòlъca и др.	(+)	(+)	+	+	(+)

А. Перед долгим ером

43. Тип *žēnĕ (РНА: 365–366) — в gen. pl. ā- и o-основ; у Крижанича долгота:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
žēnā	žĕn	žĕn	žĕn	жĕн
/диал. žĕn				
hudōbā	hudōb	hudōb	hudōb	chudōb
/диал. hudōb				
otācā	otāc	—	—	otāc
/диал. otāc				
[slùžbī]			[slùžəb]	Служəб

Этот продлённый новый акут охватывает южнославянские и западнославянские языки. Возможно, здесь он вполне регулярен (РНА: 366), причём этот же процесс мог дать удлинение в а. п. С (ср. Криж.

¹⁰⁷ Так можно было бы объяснять ударения кайкавского типа nom. pl. *sĕla* (и по аналогии *nebĕsa*) и прил. чл. *nōvi* в пограничных чакавских и штокавских говорах, хотя такой фонетический процесс им не свойствен.

¹⁰⁸ У Крижанича действует предсонантное удлинение (см. разд. IV), которое здесь (перед сонантами) неотличимо от новоакутового удлинения (в кайкавском оно тоже происходит перед сонантами).

вѣд). У Крижанича большинство *o*-основ в gen.pl. расширено морфемой *-ov, -ev*; она тоже удлиняется, ср. Криж. *ownŏw*, *Коньѣв* (наряду с *Кѡнь*), но ударение с неё оттягивается на предыдущую долготу по «закону Крижанича» (Ослон 2011: 121), ср. *Крѡльѣв* < **krāļēv*.

В. Перед конечной долготой не из стяжения

44. Тип **sělā* (РНА: 382–384) — в pl. *o*-основ среднего рода а. п. *b*; у Крижанича долготы:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>sĕla</i> ¹⁰⁹	<i>sĕlā</i> ¹¹⁰ / <i>sĕla</i> ¹¹¹	<i>sĕla</i>	<i>sĕla</i>	<i>Cĕla</i>
<i>plĕća</i>	<i>plĕčā</i> / <i>plĕća</i> ¹¹¹	<i>plĕća</i>	<i>plĕća</i>	<i>Plĕcca</i>
<i>rĕbra</i>	<i>rĕbrā</i> / <i>rĕbra</i> ¹¹¹	<i>rĕbra</i>	<i>rĕbra</i>	<i>Rĕbra</i>
<i>stākla</i>	<i>stākļā</i> / <i>stākla</i> ¹¹¹	<i>stĕkla</i>	[<i>stākļā</i>]	<i>Stĕkla</i>
<i>bĕdra</i>	<i>bĕdrā</i>	<i>bĕdra</i>	<i>bĕdra</i>	<i>Bĕder</i> (gen. pl.)
[<i>dnä</i>]	[<i>dnä</i>]	[<i>dnä</i>]	[<i>dnä</i>]	<i>Dāna</i>
<i>vĕsla</i>	<i>vĕslā</i>	<i>vĕsla</i>	<i>vĕsla</i>	<i>Vĕsla</i>
<i>stĕgna</i>	<i>stĕgnā</i>	<i>stĕgna</i>	[<i>stĕgna</i>]	<i>stĕgna</i> ¹¹²
<i>ōkna</i>	<i>ōknā</i>	<i>ōkna</i>	<i>ōkna</i>	<i>Ōkna</i>
<i>krōsna</i>	<i>krōsnā</i>		[<i>krōsna</i>]	<i>Krōsna</i>

Ряд форм Крижанича («*stĕklā*», «*plĕčā*», *perā*, *bĕdrā*) приводится (в Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 124) как довод за распределение по долготе корня, противоположного штокавскому. Но все эти формы — ошибки издания или недоразумения. В издании «*stĕklā*» [П 44=*32], в рукописи *stĕkla*:

stĕklānīcā na rānīcī: vīstāgri rīzātīnīcī i vīrākūnīcī dā dĕlāiūt.
Stĕklēnīcā, ^{pitĕīnīje} okōnnaīcā stĕkla, zĕrcala, dā dĕlāiūt: vīrāk dā vīrĕlōf.
Stĕklēnīcī pitĕīnīje, okōnnaīcā stĕkla, zĕrcala, dā dĕlāiūt...

В издании «*plĕčā*» [П 281=*222], в рукописи *plĕća*:

stĕklānīcā na rānīcī: vīstāgri rīzātīnīcī i vīrākūnīcī dā dĕlāiūt.
Stĕklēnīcā, ^{pitĕīnīje} okōnnaīcā stĕkla, zĕrcala, dā dĕlāiūt: vīrāk dā vīrĕlōf.
Stĕklēnīcī pitĕīnīje, okōnnaīcā stĕkla, zĕrcala, dā dĕlāiūt...
otcā stārca nemogučā bežāt, na swoīa plĕća wzmēm...

Форма *bĕdrā* приводится Крижаничем как *nom. du.*, ошибочная (т. е. ***bĕdrā*), подлежащая исправлению на *bĕdrū*: *Невелīm бо, Двā*

¹⁰⁹ Варианты шток. *sĕla* и т. д. (РНА: 127–130).

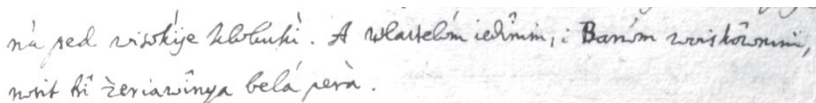
¹¹⁰ Если ударение на корне; иначе чак. *selā*.

¹¹¹ Например, Орбаничи *s'ĕla, pl'ĕća, r'ĕbra, stākla* (Kalsbeek 1998).

¹¹² В издании неверно «*stĕgna*» вм. *stĕgna* [П 74=*60] (см. снимок ниже).

ока, Два ўха. Два колéна, Два лiца, Два бeдрà, Два стà: него на И : Двeб, или Двi очi, Двi ушi, Двi колéни, Двi лiци, Двi бeдрi, Двi стi. Двi лiтi, Двi жаўцi, Двi плeцi, Двi вiдрi, Двi сeлi : и остà-на. Сiцe гoвoрeт Хeрвãт[u] [Г 132].

Форма *perà* — не *nom.pl.*, а «счётная форма» (совпадающая с *gen.sg.*) с числительным '3' [П 265=*208]¹¹³:

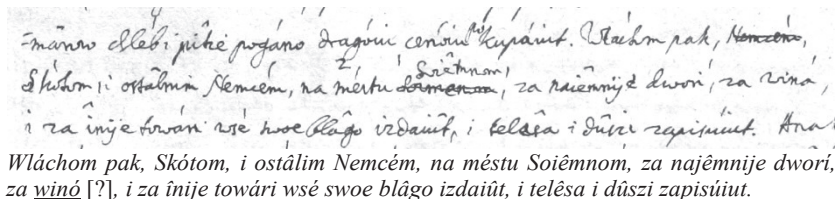

A wlastelém iedním, i Banóm woiskówim, nosit trí žeriawinya belá perà.

Итак, в *pl.nom./acc.* — долгота и накоренное ударение без исключений¹¹⁴. Не вполне ясна ситуация в косвенных падежах *pl.* слов этого типа. В большинстве примеров — накоренное с долготой: *gen.pl. rēber, vēsel, stēgen, krōsen*; *loc.pl. na cārskich plēčich* [П *676]. Исключение: *selūx* [Г 35], *selēch* [П 56=*45, 57=*45, 203=*160], но *sēlech* [П 36=*23¹¹⁵, 299=*236]¹¹⁶.

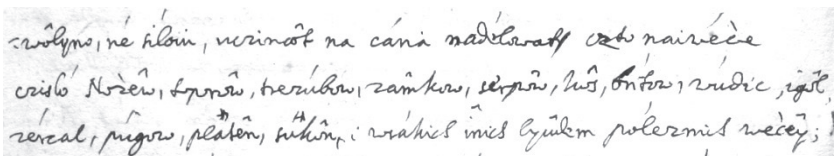
¹¹³ Вместо *pl. **pera* у Крижанича только собирательное *pērie*.

¹¹⁴ То же в долготных (*чiсла, wēdra, jētra* и др.), но есть две неожиданные конечнударные формы *nom.pl./acc.* от долготных основ: *blyudà* [П 40=*28] (при *blyūda* [П 48=*36], исправлено из *blyudà*), «за winà» [П 205=*161], аномальные уже тем, что нет никаких других конечнударных форм *pl. o-*основ среднего рода. Впрочем, первое: *Бльудо, blyūdò* [П *676] похоже на русизм (хотя рус. *блúдо, pl. блúда*), а второе — это, скорее, за *winò* с лишней петлёй (форм *pl.* слова 'вино' больше нет).

¹¹⁵ В издании неверно «sēlech».

¹¹⁶ Так же — почти всегда у долготных основ (*чiсел, чiслгх; сўкен, плàтен, бeрвен; dat.pl. сўкном* и др.), но есть один неожиданный конечнударный пример *berwēn* [П 57=*46]. В одном пассаже Крижанич исправил *plàten, сўкòн* на *platén, сукòн* [П 41=*28]:

45. Тип *stòlū (РНА: 384–386) в формах loc.sg. о-основ (ср. нек. кайк. stòlu): у Крижанича окончное ударение: *столу́, коньбу́*.

Пример Борыся «па кòпну» [П 118=*95] (SnDCz: 43) — в рукописи без знака ударения (значит, ударение скорее всего на конце):

*... l'istiu mòzet umít lice; i' st'ukm se obleczet; i' mit nogami f'eé, mit na
kònyu st'ègn razziirit, ~~l'ist~~ powòlyno sedet sedet mòzet; no kercit,
... nit na kònyu st'ègna razziirit, nit powòlyno sedet mòzet;...*

Место ударения «skòtu» [П 157=*125], по Борысю «zapewnie nie pomyłka, lecz jeden z zapisów z zaznaczeniem nowego miejsca akcentu z właściwym gwarze Ribnika cofnięciem акценту з коротkiej samogłoski końcowej» (SnDCz: 42), — опять-таки ошибка в издании:

*... iest of Kralya. Kralyib se zwuit i seruit Dairi Lyudski: i zginetse iz
plemana k'icze Lyudey, k'ypied ramit. Atoze adda gde b'udet k'raly iz imogo
nasola i iocika; tamu se lyudstvo k'azet bit spodobnee skotu, neze lyudem.
... támo se lyúdstwo kâzet bít spodobnée skotú, neže lyúdem.*

46. Тип *stòlŷ (РНА: 386–387) в формах instr.pl. о-основ (ср. кайк. stòli): у Крижанича в этой позиции окончное ударение, ср. *co Омцú*.

47. Тип *vòljā (РНА: 396–397), у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк. ¹¹⁷	слвн. ¹¹⁸	Криж.
vòlja	vòlja	vòlja	vòlja	vòlja
kòža	kòža	kòža	kòža	kòža

Г. Перед конечной долготой из стяжения с ером

48. Тип *nòvŷь (РНА: 388–390) — в членных формах непроезводных прилагательных а. п. *b*¹¹⁹; у Крижанича — *долгота*:

...né síliou ucziniát na cária nadélowat czto naiwéce czisló nožêw, toporów, trezúbow, zámkow, serpów, kós, britow, wúdic, igól, zércal, púgow, platén, sukôn, i wsákich inich lyúdem póleznich wecéy; ...

¹¹⁷ Здесь при удлинении в кайкавском вместо ожидаемого нового акута находим новый циркумфлекс (РНА: 396–397).

¹¹⁸ Это может быть рефлексом как краткого нового акута (*vòlja), так и долгого (*vòlja, РНА: 396–397). Кроме того, в слвн. диал. vòlja новый акут заменён новым циркумфлексом (так и в кайкавском).

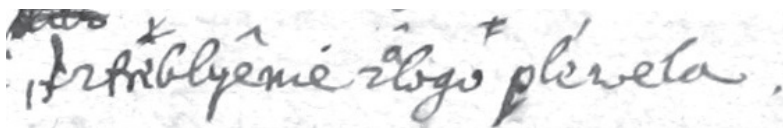
¹¹⁹ У Крижанича сохраняются два непроезводных прилагательных а. п. В с односложной основой: *Гòл* (рл. *Голù*), *Хрòм* (рл. *Хромù*). Прочие прилагательные а. п. *b* слились с рефлексом вторичной а. п. *A* (в штокавских и чакавских гово-

шток.	чак. ¹²⁰	кайк.	слвн.	Криж.
<i>gòlī</i>	<i>gòlī/gòli</i>	<i>gòli</i>	<i>gòli</i>	Гòль
<i>hròmī</i>	<i>hròmī</i>	<i>hròmī</i>	<i>hròmī</i>	Хрòмь
<i>dòbrī</i>	<i>dòbrī</i>	<i>dòbri</i>	<i>dòbri</i>	дòбрь
<i>visòkī</i>	<i>visòkī/visòki</i>	<i>visòki</i>	<i>visòki</i>	Висòкь
<i>dùbokī</i>	<i>dùbokī/dunbòki</i>	<i>glibòki</i>	<i>globòki</i>	Глубòкь

То же в прилагательных а. п. *b*, вторично перешедших в а. п. *A*:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>skòrī</i>			—	Скòрь
<i>spòrī</i>				Спòрь
<i>nòvī</i>	<i>nòvī/nòvi</i>	<i>nòvi</i>	<i>nòvi</i>	нòвого
<i>tàštī</i>	<i>tàšćī</i>		[təšćī]	Тòщиць ¹²¹

В членной форме *zъlъ-jъ проясняется ер в корне: *презълъ* [Г 72], *zàlogo* [П 298=*235] (в последнем случае Крижанич исправил нечл. *zlogò/zlogà*/ на чл. *zàlogo/zàloga*/, так что это не колебание, а разные категории):

Iztreblyènie zàlogo pléwela.

Это уникальное для всего западного южнославянского ареала (ср. шток. вторично *zlī*) прояснение ера в прилагательном *zъlъ-jъ представляет собой фонетически правильное развитие — по Ивичу, сверхкраткие под новым акутом в первом слоге — всегда в сильной позиции (Brozović, Ivić 1988: 8).

В прилагательных, вторично перешедших в а. п. *B* из а. п. *a*, у Крижанича также долгота в членных формах:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>čīstī</i>	<i>čīstī/čīstī/čīstī</i>	<i>čīstī</i>	<i>čīstī</i>	<i>нречīстаја</i>
* <i>nīštī</i> (Вук) ¹²²	—	—	—	<i>Нīщици(ь)</i>

рах в а. п. *B* осталось только *gò(l)*, см. Каровић 2011b: 106, 116, 121, 128, 339, 343, 347–348), ср. Криж. *Нòв* (f. acc. sg. *нòву*, но старое ударение в сравн. *новíу*), *Скòр* (instr. sg. *скòром*, но сравн. *Скорíе*); нет данных для *Лòш* (сравн. *лошíу*), *тòщиц*, *тòщиц*, *тèщиц* [təšćī]; полный переход в а. п. *A*: *Спòр* (сравн. *Спòрь*).

¹²⁰ Здесь и ниже северночакавские членные формы прилагательных с новоакутовым удлинением — из сеньского говора (Moguš 1966: 76–77; Moguš 2002).

¹²¹ Для определения синхронной акцентной парадигмы нет данных.

¹²² Вук даёт только нечленную форму: *нīшт* «по јуж[ним] кр[ајевима]» ‘агм, рацрег’, из чего может косвенно вытекать исконность этого слова (а не заимствованность из (руско-)церковнославянского).

Долгота в страдательных причастиях (при нечл. *-en, -enā*):

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж. ¹²³
<i>rečēnī</i>	<i>rečēnī</i>	<i>rečēni</i>	[<i>rečēni</i>]	<i>rečēniū</i>
—	—	—	[<i>zavlečēni</i>]	<i>Zavľečēnīū</i>
диал. <i>rođenī</i>	<i>rojēnī</i>	—	[<i>rojēni</i>]	<i>perworozēnogo</i>
[<i>svršēnī</i>]	—	<i>završēni</i>	—	<i>Совершēного</i>

В т. ч. порядковые числительные:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>trěcī</i>	<i>trētī/trětji</i>	<i>trěj(t)ji</i>	<i>trětji</i>	<i>Trětīū</i>
диал. <i>sědmī</i>	[<i>sědmī</i>]	<i>sědmi</i>	<i>sědmi</i>	<i>Sědmīū</i>
диал. <i>ōsmī</i>	[<i>ōsmī</i>]	<i>ōsmi</i>	<i>ōsmi</i>	<i>Ōsmīū</i> ¹²⁴

Но краткость при основе на *-g*: *Срōгий* (ср. шток. *strōgī*), *Једно-рōгий*¹²⁵ (шток. *jednōrogī*), то же в а. п. А (*Түгий*, *Другий*, см. п. 25).

Вторичную долготу и место ударения показывают и прилагательные а. п. С: Криж. *прōстий* (нечл. *Прōст*, а. п. *b* → С), *Бōси* (нечл. *Бōс*), ср. так же в кайк. *prōsti*, *bōsi* (вм. ожидаемого *bosi*), в отличие от шток. *prōstī* (а. п. *b* → А), *bōsī/bōsī*. То же с двусложными основами (в штокавском а. п. В):

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж. ¹²⁶
<i>zēlenī</i>	<i>zēlēnī/zēlēni</i> ¹²⁷	<i>zēlēni</i>	<i>zēlēni</i>	<i>Zēlēniū</i>
<i>dēbelī</i>	<i>debēlī</i>	<i>debēli</i>	<i>debēli</i>	<i>Debēliū</i>
<i>c'vēnī</i>	<i>črjēnī</i>	<i>črljēni</i>	<i>črljēni</i>	<i>Čerľēniū</i>

Аналогическая долгота проникла в Криж. *Лāгодний* (а. п. С: нечл. *лāгоден*, сравн. *лагоднīје*, ср. также глагол *лагоднīm*), но чаще *лāгоднīй*. Неясна долгота в прилагательном с еровым суффиксом: *ōбиц*, *ōбицā*, чл. *ōbīcy* (ср. шток. *ōrcī*); очевидно, это искусственно порождённые Крижаничем нечленные формы (из рус. *общий*).

49. Тип **r̥s̥yjь-jь* > **r̥s̥jī* (РНА: 390–391); у Крижанича — долгота:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>r̥s̥jī</i>	<i>r̥s̥jī</i>	<i>r̥s̥ji</i>	<i>r̥s̥ji</i>	<i>Пēs̥īū</i>
<i>kōzjī</i>	<i>kōzjī</i>	<i>kōzji</i>	<i>kōzji</i>	<i>Kōzjīū</i>
<i>lāvī</i>	<i>lāvī</i>	[<i>lāvji</i> _В]	[<i>lēvji</i>]	<i>Лēvīū</i>

То же вторично и в производных от а. п. С: *Бōжjī*, ср. шток. *bōžjī* (старший вариант: *bōžjī*), чак. *bōžjī*, кайк. *bōžji* (вм. **bōžjī*), слвн. *bōžjī*.

¹²³ Ср. нечл. *rečenó, uroženogó, Sowerszenogó*.

¹²⁴ А также аналогически везде долгота: Криж. *stōтий*, шток. *stōti*, слвн. *stōti*.

¹²⁵ Имобилизованное сложение, а. п. А (но долгота в *Хильодкий* [О 31°]).

¹²⁶ У Крижанича вторичная а. п. С: *Зēлен* (instr. sg. *zelenim*), *дēбел* (f. nom. pl. *dēbeli*, gen. pl. *debelich*).

¹²⁷ Сень (Moguš 2002).

Д. Перед павшим ером и стяжением с ером

50. Тип **kõňьпъ-ъь > *kõňьпŷ* (РНА: 390–391) — в членных формах прилагательных а. п. В с еровыми односложными суффиксами; у Крижанича в одном примере **долгота**: *kõпуnŷ*.

Эта долгота неотличима от предсонантного удлинения (см. разд. IV). Однако ср. без сонанта *Сõтнŷ* /sãtnŷ/, что может быть закономерно, как и новый циркумфлекс в членных формах типа *srěcñŷ* (с колебаниями; см. п. 28), однако в *Сõтнŷ* (как и в *kõпуnŷ*) у Крижанича, возможно, необычно место ударения, ибо в прочих случаях членные формы прилагательных на *-ьп-* а. п. В распределены у него по «закону Крижанича» (Осло́н 2011: 123–125; Осло́н 2009: 112–115): долготные ударяются на основе (нечл. *Бŷден* : чл. *bŷdnŷ*), а краткостные — на окончании (чл. *krestnõe*¹²⁸, *meznŷŷ*, *životnõgo*)¹²⁹.

Без сонантов имеем и приставочные *Јзпõднŷ*, *осõпнŷ*¹³⁰, но *охõтнŷ* (рус.?), а также *нãрõднã* (с долготной приставкой). Колебания между старым и аналогическим местом ударения (с удлинением) в а. п. С: чл. *Осõбнõ*, *Осõбнŷ* (нар. *Õсõбнõ*).

51. Тип **kõňьскъ-ъь* — в членных формах прилагательных а. п. В с еровыми двухсложными суффиксами; у Крижанича **долгота**.

Неясно, новоакутовое ли это удлинение, так как оно перекрывается с предсонантным удлинением: *žẽnski* (см. разд. IV). В одном примере без сонанта колебание: *skõtskich*, *skõtskŷŷ* (нечл. pl. *skõtski*), ср. шток. *skõtskŷ*, с приставками: *narõdski* (pl.), *nrõrõcskŷŷ* (с неожиданной долготой в приставке).

Ж. Перед долготой из стяжения без ера

52. Тип **тънојѠ* (РНА: 398); у Крижанича краткость:

шток.	чак.	кайк. ¹³¹	слвн. ¹³¹	Криж.
диал. <i>тѣнõт</i>	<i>тѣнõт</i> ¹³²	[<i>mẽnom</i> ¹³³]	[<i>z mãno</i>]	<i>Мѣноју</i> */ <i>mẽnu</i> /
<i>tõbbõt</i>	<i>tõbbõn</i>	[<i>tõbom</i>]	[<i>z tâbo</i>]	<i>Тõбõју</i> */ <i>tõbu</i> /
<i>sõbbõt</i>	<i>sõbbõn</i>	[<i>sõbom</i>]	[<i>z sãbo</i>]	<i>Сõбõју</i> */ <i>sõbu</i> /

¹²⁸ В издании также «krẽstnoe» [П 240=*188] (эта форма приводится в Осло́н 2011: 106, 124); в рукописи без знака (при обычном *krestnõe*).

¹²⁹ Как бы то ни было, в кайкавском прилагательные с суффиксом **-ьп-* получают в членных формах новоакутовое удлинение (что не сказано явно в РНА), ср. <Sznõr> /snõp/, но <Sznõpni> */snõpni/ (Belostenec); тогда кайк. Вараждин *skõtnŷ* вторично.

¹³⁰ Ср. нар. *осõпно*, от **osõp*, gen. sg. *осõпã* 'придыхание' (неологизм?).

¹³¹ Новый циркумфлекс — вторично вместо нового акута.

¹³² В части говоров.

¹³³ Возможно, исконна форма — *tẽnu* (ср. РНА: 398).

Е. Перед павшим ером и заместительным удлинением (?)

53. Тип *gvòzdbje (РНА: 390–392); у Крижанича — долгота:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
диал. gvòžde	gvòžjē		[gòzɔdje]	gwòzdie
диал. gròžde	gròžjē	gròzɔdje	[gròzɔdje]	gròzdie
—			[ovòčje ¹³⁴]	ovòcije ¹³⁵

С приставками (с корнями на шумные имеются лишь примеры на краткостные приставки):

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—			[podòbje]	Подòбje, V-, Несно-
диал. gròbļe		gròbje	[gròbje]	Наòгрòбje ¹³⁶
—			—	Непогòðje, Незгòðje
—			—	Отрòðje
podnòžje			[podnòžje]	Подnòжje, Воз-
—			—	Безnèчje
—			—	Безсовìстje
—			—	Незлòбje
—			—	proròdie

Позиция перекрыта предсонантным удлинением (см. разд. IV):

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
stàbāļe			—	Стаbāļje
zēļe	zēļe/zēļe	zēļe	zēļje	Зēļje
pērje	pērje/pērje	pērje	pērje	pērie

Продление зависит от количества предшествующего слога: если он долг, продление может не проявляться (с колебаниями):

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
bezàkòñe		bezàkòñe	[brezzakòñje]	Безzàkòñje
zàmòrje ¹³⁷			[zamòrje]	Zàmòrje
—				Ūdòļje, udòļje
zàgòrje		Zàgorje	[zagòrje]	Zàgòrje, zagòrje

Но с краткостными приставками:

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—			[podgòrje]	Подgòrje
—				Подènje ¹³⁸

¹³⁴ О вторичном циркумфлексе в этой и подобных формах в словенском (реже в кайкавском) см. РНА: 338–339, 396–399.¹³⁵ Производящее: Криж. *ovòč, вторично а. п. А (ср. мн. owòči).¹³⁶ У Крижанича приставка над- всегда кратка (см. сн. 63), ср. единственный именной пример надnìском.¹³⁷ Вариант zàmòrje (слово вышло из употребления).

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
<i>pòdmōrje</i>			[<i>potōrje</i>]	<i>Помōрје</i>
<i>prèdvōrje</i>			[<i>preddvōrje</i>]	<i>Надвōрје</i> ¹³⁹

Ещё один пример удлинения прояснившегося ера: *Верхбосāнје*.

54. Тип **vǝdōvystvo* (РНА: 392); у Крижанича — **долгота** (новоакутовое или предсонантное удлинение):

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—			[<i>vdōvstvo</i>]	<i>удōвство</i>

В прочих случаях иное место ударения: *Свидочствō, Војствō*.

И. Перед павшим внутренним ером

55. Тип **lōnъсѣ* (РНА: 387–388) в формах gen. pl. *о*-основ перед ером (ср. кайк. *lōnes*): у Крижанича в этой позиции окончательное ударение, ср. *omāц* (существительные среднего рода см. выше).

56. Тип **sělse* (РНА: 391); у Крижанича — **долгота** (почти все примеры с сонантом; в них новоакутовое или предсонантное удлинение, что неразличимо ввиду перекрытия позиций):

шток.	чак.	кайк.	слвн.	Криж.
—			[<i>rešētce</i>]	<i>Решētце</i>
[<i>okānce</i>]			[<i>ókānce</i>]	<i>Окōнце</i>
[<i>pisāmce</i>]		[<i>pīsemce_B</i>]	[<i>pīsāmce</i>]	<i>Писēmце</i>
—			[<i>sédalce</i>]	<i>Седēлце</i>
—				<i>Бервēнце</i>
—			—	<i>Платēнце</i>

Единственный пример без сонанта *Решētце*, вероятнее всего, вторичен (вм. **rešētce*), как и *Сердāище* (где вторично и место ударения) при регулярном *Сърдеище* /*sərdašcel*.

57. Типы **stōlъca* и др. перед сонантами (РНА: 392–394, 396–397) рассматривать у Крижанича нет смысла, ибо неясно, не предсонантное удлинение ли это (ср. Криж. *стōлнѣ*, см. разд. IV).

¹³⁸ **/podānje/* ← *dnō*: Криж. *Подēнно јме* (*сѣ јест које на подēнју, илѣти на днū стовѣт*).

¹³⁹ Новый акут удлинен во всех формах производящего прасл. **dvōrъ* (Криж. *Двōр*, шток. *dvōr*, чак. *dvōr*), но это не имеет отношения к долготе в *Надвōрје*. Отсутствие у Крижанича варианта **nādvōrje*, скорее всего, случайно, ср. краткость в *Зāмōрје* (при *Помōрје*), чьё производящее (прасл. **mōrje*), тоже дало удлиненные рефлексы в большинстве диалектов ареала (Криж. *мōре*, шток., чак. обычно *mōre*; возможное объяснение см. в РНА: 237). Как бы то ни было, долгота нового акута долгота в производящем и долгота «иммобилизационного» нового акута в производном никак не связаны.

Итог. У Крижанича имеется новоакутовое удлинение: (1) в формах типа pl. **sēlā*¹⁴⁰ (см. п. 44); (2) в членных формах непроемных прилагательных а. п. *b* (типа **nōvū* < **nōvǫb*, см. п. 48) и притяжательных (**pǫsbǫjī* < **pǫsbǫbjǫb*, см. п. 49); (3) в производных на *-*bye* (см. п. 53)¹⁴¹. Что касается случаев вроде Криж. *жѣнско*, нар. *po žēnski*, *po žēnsku* (кайк. *žēnski*), где и в кайкавском и у Крижанича — всегда долгота¹⁴², то у Крижанича они, строго говоря, не показательны ввиду того, что в его говоре действовало и чакавское предсонантное удлинение (давшее долготу в тех же условиях¹⁴³). Однако в плане первых двух из названных удлинений (где есть примеры без сонантов) говор Крижанича ведёт себя как «истинно кайкавский», поэтому не исключено, что вообще новоакутовое удлинение — в нём фонетическое явление, так что и Криж. *жѣнско* может быть его результатом (однако мы такие случаи разбираем вместе с предсонантным удлинением, см. разд. IV).

«**Треугольник**». В целом, примеров кайкавского новоакутового удлинения в нашем треугольнике отмечено мало, в т. ч. в связи со скудостью описаний. Из нынешних двухакцентных юго-западных говоров сёл Юговац, Брезник (Озальски), Мартински Врх, Горня Страна, Голи Врх, Грдун, Приселци (а также ряд других мест вне «треугольника») Тежак приводит *nōvi*, *širōki* (и по аналогии *vēliki*), *sēla* (Težak 1982: 293–294) и *sēlih* (Hraste 1963: 29). Из Рибника Тежак даёт *trēči*¹⁴⁴ (а также *okānce*, но это может быть предсонантное удлинение, см. РНА: 392, сн. 1428) и *gōrñi*¹⁴⁵ (и здесь не исключено предсонантное удлинение) (Težak 1990: 198, 202, 205)¹⁴⁶. Во всех этих случаях у Крижанича долгота: *Нѡвѣи*, *Ширѡкиѣ*, *Вѣликиѣ* (то же место ударения!), *Сѣла*, *сѣлех* (но и *селѣх*, *селѣх*), *Трѣтѣи*, *Окѡнце*, *Гѡрньи*.

Краткость в Рибнике совпадает с таковой у Крижанича в примере Рибник *нѣвоѡа* (с оттяжкой) = Криж. *Невѡѡа* (Озаль *nevōŷa*).

¹⁴⁰ Так же в других падежах, в т. ч. gen. pl. *sēl* (см. п. 44 об исключении в loc. pl. этого слова), *rēber*; в случаях типа последнего (**rēbrǫ*) можно подозревать новоакутовое удлинение (РНА: 388).

¹⁴¹ См. об этом уже в более ранних работах (Ослон 2011: 110, 112; РНА: 382, сн. 1396, 388 [в т. ч. сн. 1416]–389, 390, сн. 1423; Каровић 2017: 611).

¹⁴² При условии краткости предыдущего слога, ср. Криж. *Крѡльѣвскиѣ*.

¹⁴³ А поскольку долготный тон — всего один, результаты неразличимы.

¹⁴⁴ То же ударение у Храсте: Рибник, Липник, Обрх *trēti* (Hraste 1963: 28).

¹⁴⁵ В принципе *gōrñi* может быть а. п. С по *gōra*, acc. sg. *gōru* (ср. шток *gōrñi*, *gōrñi*), но это прилагательное встречается с а. п. В в целом ряде говоров.

¹⁴⁶ Задобарье *kokōšji* (Marinković 2017: 117; вторично по типу В, частом в кайкавском, см. исконный тип С в шток *kokōšji*).

IV. Предсонантное удлинение

В говоре Крижанича удлиняются (с ограничениями, см. ниже) гласные внутри слова (в особых случаях в единственном слого), как правило перед сонантом, за которым пал сверхкраткий. По-видимому, сначала это удлинение было заместительным (РНА: 556–563)¹⁴⁷. Оно в разной мере представлено в большинстве штокавских и чакавских говоров, а в кайкавских в этих позициях часто выступает новоциркумфлексное и новоакутовое удлинение (но при этом предсонантное удлинение кое-где имеется в последнем слого, см. п. 62). У Крижанича предсонантное удлинение проявляется только в ударном слого независимо от его интонации (старый акут, новый акут, рещесивное), причём только после предыдущего краткого. В. А. Дыбо приводит таблицу примеров из Крижанича, в которой демонстрирует эту закономерность, объясняя её сокращением удлинённого (главным образом, перед сонантом) слога после долгого слога (МПАС: 141)¹⁴⁸. Здесь мы не можем подробно рассматривать весь материал (для этого понадобилась бы отдельная работа), а дадим выборочно несколько типов для иллюстрации. Даём только позиции, не перекрывающиеся с новоциркумфлексным удлинением.

А. Перед павшим внутренним ером

58. Без парадигматического чередования

В первом слого: из старого акута: *Мурва, Солнце, Димник, Силник*¹⁴⁹; *stársziy*; из нового акута¹⁵⁰: *сто́джа, ко́пуник*¹⁵¹; *Меньши, Бóльши*¹⁵²; в

¹⁴⁷ А не просто перед сонантом уже после падения еров, ср. краткость в Криж. *зёмљу, Пёрвьель* /pərvjel/ при долготе в Криж. *пómньа* < *рòтьяа. Но это трудно доказать ввиду неясности слогоделения в таких случаях, а также ввиду редкости однозначных примеров в той же синхронной позиции, но с падением сверхкраткого. У Крижанича сюда могли бы подойти притяжательные прилагательные типа instr. sg. *Аврámльым* при *Аврámель* (но это непоказательно ввиду долготы в притяжательных на *-bjь-jь, см. п. 27, которые вели себя как членные). Неясно, как относиться к приводимым Крижаничем названиям русских городов, ср. *Путівель, Putivoly* (с произвольным орфографическим пересчётом рус. -вь), loc. *Putivlyu, Jaroslávель*, neut. *Jaroslávльь* (последнее он даёт как потенциальное хорватское название города).

¹⁴⁸ В. А. Дыбо даёт этот материал для объяснения краткости в циркумфлексном суффиксе притяжательных прилагательных от производящих а. п. *b* типа Криж. *Лукин* /lukin/, loc. *lukínu*, ass. f. *Лукину* (а. т. Е), но *женин*, dat. *ženinót* (а. т. В). Другое объяснение см.: РНА 186–187.

¹⁴⁹ Ср. на шумные: Криж. *Буква, Тиква; Rátnik, Прїказник*.

¹⁵⁰ Теоретически здесь может быть и новоакутовое удлинение.

¹⁵¹ Ср. на шумные: Криж. *Rósnik, преводник*, но и *sónik* — аналогия с сонантными?

¹⁵² Ср. Криж. *слáдши, бёржши* (шток. *břži*).

приставке *pómnym*¹⁵³.

После краткой приставки: из старого акута: *Невѣрником* (CP)¹⁵⁴, *obtmánniki*¹⁵⁵, *posýlka*¹⁵⁵; в суффиксе: *Svirálnik* (← *Свѣрал*)¹⁵⁶; из нового акута: *nevólynik*, *rogópniki*, *Покójник*, *posólstwo*.

После долгой приставки: из старого акута: *Зábávka*, *izdélnikom*, [П 263=*207]; *Hājéměnyšij*, *najgórszjy*; из нового акута: *razbóinik*¹⁵⁷, *Názórniki* [П *686], *Hājémники*, *Беззákонник*, *Rāzdórnиков*, *nazórstwo*.

В. А. Дыбо тут же рассматривает пары с новым циркумфлексом *Прѣвѣрје* : *Невѣрје*, *Јзрѣдје* : *Безрѣдје*; *Rāzmírje* : *Недомírje*. Часть из них — лишь варианты (иногда единичные, см. п. 30)¹⁵⁸.

59. С парадигматическим чередованием

В первом слоге: из старого акута: pl. *stárci* (*стáрец*), gen. *Znáncia* (*Знáнец*), voc. *Výjče* (*Вýжец*), gen. *sílна* (*Сíлен*), gen. sg. *zâica*, gen. pl. *zâicev* (если *zâjac)¹⁵⁹.

После краткой приставки: из старого акута¹⁵⁵: pl. *podârki* (*podáрок*), *Обúrки*, *остáнки* (*Остáнок*); из нового акута: *довóльна*¹⁵⁰.

После долгой приставки: из старого акута¹⁵⁵: pl. *Прѣдѣлки* (**prĕdĭlak*); из нового акута¹⁶⁰: *zākónno* [П *693], *bezzākónna* (*Беззákонен*).

Выбивается из распределения *ŭčínok* — почти вся парадигма с долгой: gen. *uczĭnka*, pl. *uczĭnka*, но в одном месте Крижанич, видимо, исправил долготу корня на краткость и добавил долготу приставки [П 336=*265]:

¹⁵³ При этом в Криж. *сўмньа*, *сўмним се* — исконная долгота (**sŭmĭa*), хотя она сокращена в *безсумѣнен* (из-за длины слова).

¹⁵⁴ Формы из труда Крижанича «Смертный разред» приводим по таблице В. А. Дыбо (МПАС: 142–143).

¹⁵⁵ Здесь это «иммобилизационный акут».

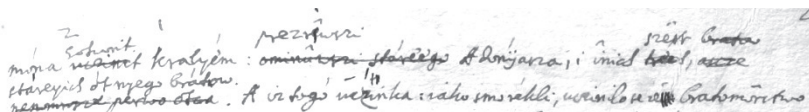
¹⁵⁶ Сокращение корня закономерно в трёхсложной форме?

¹⁵⁷ Так много раз, но несколько раз *razbóiniki*, *razbóinikow*.

¹⁵⁸ Уточнения к таблице В. А. Дыбо: *Вугѣришцина* не содержит слога, закрытого сонантом (речь идёт, видимо о слоговом сонанте: Криж. *Wugĕrski* /*vugĕrskil* < **ugĕrski* < **ugĕrbsk-*, ср. шток. *ŭgarski*); пример членной формы асс. pl. «*razŭmĭnje*» [П 94=*77] — опечатка (в рукописи *razŭmĭnje*); здесь не ожидается долгота в *raz-*, ср. нечл. *razŭmen* (← *Rázum*), а членная форма восходит к **razumĭnĭ*. Кроме того, В. А. Дыбо приводит два имени действия для иллюстрации sporadического сокращения после долготы в этом типе, но это опечатки (и такого сокращения в этом типе, видимо, не бывает): «*skitánie*» [П 276=*219] — на самом деле *skitánie*; «*wladánie*» [П 278=*220] — на самом деле *wladánie* (снимки рукописи опускаем).

¹⁵⁹ Ср. с шумными: Криж. *blátno* (*Блáтен*), *склáдна* (*Склáден*), *srĕcno* (но чл. *srĕcĭny* с новым циркумфлексом, см. п. 28).

¹⁶⁰ Ср. с шумными: *Смóква*; *несчĕтна* (*Несчĕтен*).

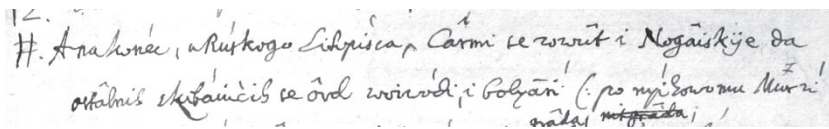
А из тогò uczinka: iako smo rékli, uczinilo se ie bratomórswo.

Очевидно, этим подтверждается наличие в говоре Крижанича живого колебания в разрешении конфликта между потенциальной парой долгот подряд. Лишь в ряде морфологических позиций (только в словоизменении) он допускал постановку двух долгот, причём это было просодическим преобразованием сочетания предударной долготы перед ударной конечной долготой: gen.sg. *rūkē /rukēl, drāgē*, istr.sg. *glāvōm, rūkū*, instr.pl. *čērñīm*, gen.pl. *prīčūn*¹⁶¹ (см. также Ослон 2011: 107). Во всех этих случаях, кроме последнего, конечное ударение происходит из долгого нового акута, так что это может быть наследием некоего фонетического правила.

60. Перед окончанием instr.sg. *-mi, -mī*¹⁶²

Из старого акута: здесь наблюдается неясное положение — в части двусложных существительных а. п. А удлинения как будто не бывает: *Cesármi, barbármí, Kafármí, zemľánmi, Rimľánmi, Chispánmi, gradžánmi, Župánmi* (выравнивание по другим формам парадигмы?), но при этом *towármí* (nom.pl. *towári*), *Wasálmí* (nom.pl. *Vasáli*), *obmánmí, krasílmí* (*krasílo*). С краткой приставкой: *obmánmí, Cocmávmí* (CP); с долгой приставкой: *nāczínmi* [П *696], *Zāčínmi* (CP).

В односложных — колебания: *délmí, dēlmí* ‘делами’; *cármí* (>20×), но есть примеры с удлинением, ср. *Cármí* [П* 703], ср. также пример, где Крижанич сам исправил акут на циркумфлекс [П *689]:

А на конѣц, у Руского Литописца, Cármí se zowút i Nogáiskije da ostálmich skitáiuèich se órd woiwódi, i bolyári.

Из нового акута: с неслоговой приставкой: *stwórmí* [O 51] (от *stwór*¹⁶³); с краткой приставкой: *poklónmi*¹⁶⁴, ср. также *Faraónmi* [П

¹⁶¹ Форма gen.pl. *prīčūn* с двумя долготами встречается дважды, только в [O], однако *prīčūn* 5× [Г], *priczūn* [П *676], а также *nakáz* [Г]. Дело здесь, однако, в долгие приставки. В [Г] она всегда кратка (*причина*), а в [O] — долга (*причина*).

¹⁶² Возможно, относительно недавним. У Крижанича сосуществует со старым *-i, -î* (которое обязательно только в формах типа *Orlū, **Orlmī* [Г 25])

¹⁶³ В издании «stwōt» — *stwór* ‘телосложение’.

*691] (instr.sg. *Faraón*, instr.sg. *Faraónom* [П *691]; с долгой приставкой: *paróimi*, *paróumi* [П 194=*155] (исправлено из *paróui*), *zakónmi*, *zapórmí*, *widórmí*, *Льубáвми*. С сокращением корня (из-за длины слова?): *swirâlmí* (*Свѣрал* а.п. А, асс.pl. *swirâli* (вторично gen.pl. *swiraléu* — закономерно в этом склонении).

В а. п. С: *слóвми* (nom.pl. *Слóва*), *пóльми* (nom.pl. *Слóва*).

Таким образом, после долготной приставки удлинения перед *-mi* действительно нет, но нет его и в большинстве примеров с суффиксом *-ân(in)*, а также в основах на *-ar* (заимствованных); в односложных, вероятно, — живое колебание.

Вопрос о том, было ли удлинение после долгих, а затем сокращение, или же это запрет на удлинение, по этому материалу решить, кажется, нельзя (см. ещё пп. 30, 53).

К. Перед павшим конечным ером

61. Тип **kôňjь* (РНА: 583) — в *o*-основах а. п. *b*. У Крижанича краткость: *kôny*, *Bôj* (dat. *boiù*), как кайк. *kôň*, шток. *kôň* (но шток. диал. *kôň/kôň*, чак. *kôň/kôň/kôň*). В издании «*kôny*» [П 86= *71] (SnDCz: 42); в рукописи *kôny*:

Kantár. Tatárskaja kônda.
Baumát. Tatárskij kôny.
Glažniz tûškogo Bass: prav
 Tatárskij *kôny* [со съехавшим знаком]

62. Тип **mòjь* (РНА: 401) — в трёх притяжательных местоимениях; у Крижанича — долгота: *mòv*, *tvòv*, *svòv*, как в чак. (Брач) *môj*,

i n mudróhъ ² ~~proklónami~~ deviat. Jednakôže lepôtá razlicnána iest lú=
=cziy znák: pokamésta obretáiuť se někoyi naródi, dosta ^{kyji} lepôtá stvórtá
i obráz ~~prítomnosti~~ imaiut, ali mudróhъ ² ~~proklónami~~ méstú znamenáti; i k'fa =
Jednakôže lepôtá različnána iest lú|cziy znák: pokamésta obretáiuť se někoyi naródi,
koyi dosta lep stváor i obráz imaiut, ...

¹⁶⁴ Замечание В. А. Дыбо о вероятной ошибочности «*proklónami*» в издании [П 193=*152] верно:

Obvezálat metáca dásta, ~~proklónami~~
mi nekoyi kúnygijú. Málo spát, ráno wstáiat, pózno iadát, tĕlo mnó=
=gimi proklónmi i postom premariat. Máse se wídt k'fa bít naiglaw =
Málo spát i ráno wstáiat, pózno iadát, tĕlo mnó|gimi proklónmi, i postom premariat.

шток. *tôj*, диал. (Посавина) *tôj*, но вариация в кайк. Турополье *môj*, Озаль *môj*, Бедня *tûej* и др. У Крижанича также *Двобь*, *Тробь*.

63. Тип **boji* (РНА: 406) в императивах на *-j < -ji*: У Крижанича — долгота: *Бобь се*, как в шток. диал., чак. и кайк *bôj*. Это связано с особой судьбой (отпавшего после йота) конечного *-i*. Так же в Криж. *Бубь*, *вожубь* (а. п. А), но не в *дábь < *dâdjь*.

V. Выводы

Как явствует из изложенного, говор Крижанича, — пожалуй, ярчайший на данный момент пример пограничного чакавского говора: новый циркумфлекс в нём имеется только в двух кайкавских позициях (из более чем 20): в членных прилагательных а. п. *a* (как северночакавские говоры — к северу от линии Лошинь — Нови, РНА: 329–331), в т. ч. притяжательных, а также собирательных производных существительных на **-bje*, но при этом говор Крижанича проводит новоакутовое удлинение в трёх позициях (из более чем 10) — почти так же, как кайкавский и словенский (в ряде позиций у Крижанича другое место ударения, а в остальных новоакутовое удлинение у Крижанича перекрывается с чакавским предсонантным; там их результаты неотличимы; в этих позициях, строго говоря, новоакутового могло не быть). Таким образом, говор Крижанича имеет кайкавское новоакутовое удлинение **во всех** позициях, где это в нём возможно увидеть. Кайкавское же новоциркумфлексное удлинение представлено в нём лишь в горстке позиций. Поэтому близость числа позиций (3 и 2) может быть обманчивой.

Одновременное наличие в говоре Крижанича результатов новоциркумфлексного (в а. п. *a*) и новоакутового (в а. п. *b*) удлинений, а также аналогических процессов (в а. п. *c*), привело к возникновению некоторой «морфонологической симметрии» в распределении удлинённых и неудлинённых форм: причём в ряде случаев удлинения налицо в одних и тех же позициях в разных акцентных парадигмах (в фонологической транскрипции; в скобках — вторичные формы):

а. п.:	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
	<i>lîta</i>	<i>sêla</i>	<i>dârvâ, slôva</i>
	<i>lît</i>	<i>sêl</i>	<i>dârv, slôv</i>
	<i>zârnje</i>	<i>gvôzdje</i>	<i>(râžje)</i>
	<i>mâli</i>	<i>gôli</i>	<i>(prôsti)</i>
	<i>bâbji</i>	<i>pâsji</i>	<i>(bôžji)</i>

Это может привести к иллюзии о едином генезисе этих удлинений. На самом деле древнейшим является новоциркумфлексное удлинение в gen. pl. *lît* < **lěĩṭ̃*; скорее всего, того же возраста новоакутовое в gen. pl. *sěl* (а также *dārv* < **dǣ̃v* < **dr̃ṽṭ̃*). В прочих случаях речь идёт о кайкавских позициях, причём новоциркумфлексное удлинение (например, *bābji* < **bā̃b̃j̃b̃-j̃b̃*) по времени могло не совпадать с новоакутовым (*pāsji* < **pā̃sji* < **p̃b̃s̃j̃b̃-j̃b̃*). Долгота и место ударения в а. п. с, скорее всего, — вполне аналогической природы¹⁶⁵.

Изначально говор Крижанича — чакавский (в т. ч. судя по местоимению *čā*, наличию предсонантного удлинения и отсутствию нового циркумфлекса в большинстве кайкавских позиций). Распространение на него кайкавских изоглосс неудивительно, особенно учитывая общий переходный характер «треугольника» (равно как и кайкавского пригорского диалекта) не только в акцентном отношении. Кроме того, поскольку новоциркумфлексное и новоакутовое удлинения — разные, отдельные явления (РНА: 380–381, 622) в самом кайкавском, то ожидаемо, что охват ими смежных некайкавских говоров различен.

Поэтому говор Крижанича действительно можно назвать, вслед за В. А. Дыбо, именно «чакавско-кайкавским» (чакавская основа, малый охват новоциркумфлексным удлинением, больший охват новоакутовым удлинением). Но на самом деле это ещё раз показывает нам, сколь бессмысленно может быть, в современном контексте, механическое разбиение сербохорватского континуума на три наречия (штокавское, чакавское, кайкавское). Теперь было бы полезно понять, насколько этот тип диалекта — с кайкавскими удлинениями лишь в ряде категорий — сохранился (если да, то есть надежда обнаружить его современный образец на крайнем севере континентального икавско-экавского центральночакавского). Увы, на данный момент мы не располагаем сколько-нибудь обширными сведениями о позициях новоакутового удлинения даже в нынешних говорах «треугольника». Впрочем, оно, вероятно, всё равно в большой мере затёрто позднейшим контактным влиянием кайкавского, и это притом что часто мы не можем знать, что исконно, а что и контактно (как не можем знать

¹⁶⁵ Исходя лишь из данных Крижанича в отрыве от диалектного контекста, можно пытаться фонетически выводить его ударения *Rōžsje* (← *Rōž*, *roj̃i*), *Bōžs̃i* и *Prōst̃i* из ожидаемых конечноударных форм (**ražjē*, **božjī*, *prostī*), реконструируя удлинение в корне (как в а. п. *b*) и затем оттяжку по «закону Крижанича» (так в Ослон 2011), однако это, очевидно, неверно ввиду не только диалектологии, но и также, например, Криж. *Konjē* 'копьё' с заместительным удлинением окончания в тех же фонетических условиях, что *gwōzd̃ie* и т. п., но без оттяжки, из чего следует морфологическая обусловленность этого изменения («оттяжка» только в собирательных, но не в прочих производных на *-jē).

и того, какие говоры в прошлом относились к «крижаничевскому» типу, а какие были «истинно» чакавскими или кайкавскими).

В пограничных чакавских говорах новый циркумфлекс и продлённый новый акут, вероятно, распространялись в виде систематических «морфонологических» (новый акут — возможно, и фонетических) изоглосс (см. Karović 2017: 614–616), давая неодинаковые результаты по говорам — назовём это «старыми кайкавско-чакавскими» изоглоссами. Однако эти говоры претерпевают контактное кайкавское влияние по сей день, но это уже не морфонологические изоглоссы, а лексические (непоследовательные, спорадические) — назовём их «новыми кайкавско-чакавскими изоглоссами»; они, вероятно, связаны с социолингвистическими факторами¹⁶⁶, причём это, видимо, в массовом порядке началось уже после Крижанича, хотя уже он жаловался на «порчу» языка (см. ниже).

Как бы то ни было, следует отметить проницательность В. Борыся, заключившего по поводу говора Крижанича, что «znalazły w niej [gwarze] odzwierciedlenie innowacje iloczasowe i akcentowe, właściwe gwarom w stronach rodzimych Križanicia, przede wszystkim w gwarze Ribnika» (SnDCz: 123), однако массовые опечатки в издании «Политики» привели его к неверному выводу, что «akcentuacja Križanicia nie była jednorodna» и что «już w pierwszych dziesiątkach lat XVII w. akcentuacja gwar nad Kupą ulegała oddziaływaniu kajkawskiemu». Вся «неоднородность» акцентуации Крижанича снимается проверкой по рукописи; а впечатление об обилии в нём спорадических кайкавизмов возникло в результате упомянутых весьма многочисленных опечаток. Итак, Борысь верно отождествил говор Крижанича с его пря-

¹⁶⁶ Очевидно, имело место взаимодействие чакавского и кайкавского (крестьянского?) населения, для которого, возможно, кайкавские говоры обладали большим престижем. Для Крижанича престижной была явно именно его родная чакавская речь, воспринимаемая им самим как речь высшего сословия: в «треугольнике» *сохранило се јест херватско и Сербско больарство* (полную цитату см. ниже). Из этого делался вывод, что Крижанич описывает не народный говор, а некий особый идиом своего (дворянского) сословия (Пецо 1981: 170; SnDCz: 8). Даже если это и верно, то это, скорее всего, может лишь значить, что «высокий» язык Крижанича был только в какой-то степени более свободен от кайкавского влияния, чем местный народный говор (так, Крижанич критикует как *кметско изречѣње* стяжённые формы будущего времени *бу̑м, бу̑, бу̑сте* и т. д. [Г 90]), будучи в остальном ему тождествен. Поэтому нельзя согласиться с утверждением Могуша, что «Križanićevi opisi u hrvatskoj gramatici ne idu u red dijalektoloških opisa narodnih govora, nego su u prvome redu prikaz jezičnoga stanja kakvo se nalazilo u pisanim tekstovima i kakvim su govorili obrazovani ljudi» (Могуш 1984: 8), и следует совершенно отметить его утверждение (касающееся рефлексов ятя у Крижанича), что «se ipak radi o opisu *tekstova* [курсив наш] ikavsko-ekavskih čakavaca i ostalih ikavaca» (Могуш 1986: 226).

мым потомком — говором Рибника, однако его наблюдения касательно кайкавизмов верны лишь для первой из упомянутых двух групп изоглосс¹⁶⁷. Примером изоглоссы второй группы у Крижанича может быть (приводим в фонологическом виде) акцентный кайкавизм *mōtika* (а не обычное чак. *moŕika*, см. п. 23); сюда же могут относиться протеза *v-* в *vūzàk*, *vuzdà* и др., частица *nâj* ‘пусть’ и «уканье» в *kuliko*, *tuliko* и др. (SnDCz: 9), звонкость в предлоге **сь*: *z ìnìmi, z rim-lànmi* (см. также Borys 1983: 68)¹⁶⁸.

Теперь можно точнее истолковать жалобу Крижанича в «Исказании», что в его родном крае исчезает «чистая» акцентуация [Г 6]:

...нигдиже нечужутсе завлаки гласа тако правилни, ни ричеъ хощ своих хощ туджих тако чисто изриканье, ни обличье говореня придньому и извирному Рускому¹⁶⁹ jeziku тако подобно и властито: како се чујет у Херватов. Али пак то не везди : него лихо въ једином малом куту земель: около Купи рики, во ујезду Дубовца и Озля и Рибника острогов. Онамо бо во време Турских послдних прогонов, и при взетју Херватскије столици Бихца града (:между престерми гори, и въ тяжело преходна миста:) сохранило се јест херватско и Сербско больарство. Ј кулико јест још досели остало старого зачалного и чистого изриканья, тамо се јест обривало, за мојего дитинства. А се потому, жеже тамо дларади стермих гор, и дла неплодних рик, нист никаковаже прејезда ни торбства, и јнорбдних льудеъ мало приходит, коби биху изрок казили.

Почти то же повторяется в другом месте [Г 194–195]:

¹⁶⁷ Основная идея Борыся о чакавской основе (при кайкавском компоненте) в говоре Крижанича более чем оправдалась — невзирая на помехи, внесённые в его выводы внешними, не зависевшими от него факторами. На самом деле, как мы показали, этот кайкавский компонент касается только «старой» группы изоглосс (морфофонологического или же, в случае новоакутового удлинения, возможно, и фонетического характера, но в любом случае систематических), а всё остальное (спорадическое кайкавское влияние на чакавский, якобы заметное уже в текстах Крижанича) — иллюзия, возникшая у Борыся за счёт совершенно случайного наложения научных сведений о современных чакавско-кайкавских говорах (с присущей им интерференцией) на характер опечаток в советском издании «Политики» (частая замена знака «`» на «»»). Это курьёзное совпадение само по себе, конечно, поднимает ряд методологических вопросов.

¹⁶⁸ А также типичное для кайкавского местоимение *gdō* ‘кто’, ср. указания Крижанича в его таблице склонения местоимений [Г 76]: *Kmō, no Рус:* | *Гдō, no Хер:* | *Ткō, no Серб:*, однако это необязательно кайкавизм, так как встречается и в северночакавском (Гробник) (заметим также ударение в «сербском» *Ткō*, хотя на самом деле шток. *tkō*). Местоимение ‘что’ — чакавское: *Чтō. | Чā. | Штō*. Сейчас в районе Рибника только *kāj* (Hraste 1963: 29), и это уже явно поздний кайкавизм.

¹⁶⁹ «Русский» — здесь значит абстрактный «исконный» славянский язык.

Сѣрбљани се згадјајутъ съ Хервѣтми во влакѣхъ: рѣзви лихо, что въ Дѣлгомъ вѣлку никако предѣлго и необично глѣс протѣжуютъ¹⁷⁰, Ј зарад тогѣ въ једномъ Хервѣтскомъ ѣзроку чујутсе вѣлки правилни: и ѣзвирнонь Словѣнсковь бесѣде привлѣстни. Ј то јсто не вездѣ: него лихо между Купоју и Вуноју рѣками: во ујездехъ Бѣхца града, нѣпнѣче околъ Дубовца, Озля, и Рѣбника, острѣговъ. Онамо бо, во врѣме Турскихъ послѣднихъ прогѣновъ, и при взѣтју Хервѣтскије столицѣ Бѣхца, между стермије гѣри, и въ тѣжко прехѣдна мѣста, сохранили сѣ остѣнки Хервѣтского больѣрства. Ј кулико јестъ јѣш досели остѣло Словѣнского чистѣ језѣка: тѣмо сѣ јестъ обрѣтѣло, за нашегѣ дѣтинства. Алѣти садѣ јужъ и тамѣ все сѣ проминѣјетъ, и гинетъ.

Более ранняя версия этого текста в «Объяснении» [О 56°–57]:

Въ сѣмомъ једномъ Харвѣтскомъ ѣзѣворѣ, слышѣтсе јещѣ вѣлѣци правилни, и ѣзкѣнонь Словѣнсковь бесѣдѣ властити. Ј то не вѣздѣ, него лише между Кѣлпоју и Вѣлноју рѣками, въ Бѣхѣцкомъ ујездѣ : въ нѣкоихъ горѣватихъ мѣстѣхъ. Онамо бо, во врѣме Турскихъ прогѣновъ между високи гѣри, и непрехѣдна мѣста, сохранило сѣ јестъ Харвѣтское больѣрство: и колико јещѣ досели Словѣнского чистѣ јазика јестъ остѣло, тѣмо сѣ обрѣтѣетъ.

Во втором из этих важных пассажей Крижанич сообщает нам о трёх языковых сущностях: «хорватской» (чакавское наречие), «сербской» (штокавское наречие) и противопоставленной им, не названной сущности — «порче» языка (кайкавское наречие?). В сообщении Крижанича налицо и временная динамика: на исконно «чистый» (за *нашего дитинства*) родной диалект Крижаничем при его жизни имело место языковое влияние, ощущавшееся им как нежелательное. Очевидно, это и есть упомянутая выше «вторая» группа изоглоссы, тогда как «первую» группу (новоциркумфлексное и новоакутовое удлинения в выявленных выше позициях) Крижанич не считал чуждыми¹⁷¹, а воспринимал частью «чистого» языка¹⁷².

¹⁷⁰ Вероятно, это описание начавшейся (?) новоштокавской оттяжки на долгий слог, в которой Крижанич не мог усмотреть передвижки иктуса из-за его ярко выраженной двухвершинности (не говоря о том, что в его времена новоштокавское ударение, конечно, отличалось от нынешнего; некоторые соображения о представлениях Крижанича о новоштокавском ударении см. в Osłon 2011: 76; кажется, со штокавским наречием Крижанич был знаком лишь поверхностно; см. также Moguš 1985: 177).

¹⁷¹ Об отсутствии этих удлинений у «сербов» (т. е. штокавцев), с которыми он в какой-то степени солидаризовался, он мог и не знать.

¹⁷² Борысь отмечает, что Крижанич нигде прямо не упоминает словенцев и словенского языка «zaliczając go może do dialektu chorwackiego» и, возможно, именно словенцев называет «краинскими хорватами» (Boryś 1983: 51 сн.): *лише Краински Хервѣти сказно велѣт, Ова Крѣ* [Г 38] (ср. словн. *krí* 'кровь', Криж. *Кѣрв, Кѣрв*

ИСТОЧНИКИ

- Г — Граматично izkázanje ob rúskom jezíku popá Júrka Križánića / Издано О. Бодянским. Москва, 1859 (издание кириллицей; с ошибками) ≈ Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku / Priredio i uvodnu raspravu napisao Josip Hamm. Zagreb, 1984 (издание латиницей; более выверенное) — даём номера страниц по изданию Бодянского.
- О — Juraj Križanić. Objasnenje vivodno / Priredio i uvodnu raspravu napisao J. Hamm. Zagreb, 1983 = Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И. Г. Воробьёва, В. М. Воробьёв. Тверь, 2008 (фототипические издания).
- П — Рукопись Крижанича: ЦГАДА № 381 (778 с.; первый лист утрачен); издание: *Юрий Крижанич*. Политика / Подг. к печ. В. В. Зеленин, под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1965 (до с. 283; с многочисленными ошибками) — даём номера страниц по изданию и по рукописи («*»).

ЛИТЕРАТУРА

- Белић 1914 — *Александар Белић*. Акцентатске студије. Београд, 1914. Књ. I.
- Вук — *Вук Стеф. Караџић*. Српски ријечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Беч, 1852.
- Дыбо 1968 — *В. А. Дыбо*. Акцентология и словообразование в славянском // Славянское языкознание. VI международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 148–224.
- Дыбо 1981 — *В. А. Дыбо*. Славянская акцентология. М., 1981.
- Дыбо 2000 — *В. А. Дыбо*. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. М., 2000. Т. 1.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — *В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии. Словарь. М., 1993.
- Крижанич 1859 — Граматично izkázanje ob rúskom jezíku popá Júrka Križánića / Издано О. Бодянским. М., 1914.
- Крижанич 1965 — *Юрий Крижанич*. Политика / Подг. к печ. В. В. Зеленин, под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1965.
- Крижанич 2008 — Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И. Г. Воробьёва, В. М. Воробьёв. Тверь, 2008.
- МПАС = Дыбо 2000.
- Ослон 2009 — *М. В. Ослон*. Акцентная система языка Юрия Крижанича. Канд. дисс. Москва, 2009.

/kârv/, но также и сев.-чак. *krî*). Здесь, возможно, речь действительно идёт о предках словенцев: словенская историческая область Краина (слвн. *Krânjska*, шток. *Krânškā*) занимает около половины нынешней Словении, ср. также кайк. *krañci* ‘словенцы’); это название, возможно, вторично связано со слвн. *krājina*, *krajina* ‘область’ (Snoj 2009: 210–211), ср. варианты в словенских памятниках: *kranjski* : *krajnski* (Tropišič 2008: 290); Криж. *Krâbinski* может отражать второй вариант. Кроме того, слвн. *krajina* входит в состав названий различных областей, например Белой Краины (слвн. *Bela Krajina*, прил. *belokranjski*), находящейся непосредственно через р. Купа (Колпа) от родины Крижанича Рибника и входившей до XII в. в состав Хорватии.

- Ослон 2011 — *М. В. Ослон*. Закон Крижанича: доводи против теории «правостороннего дрейфа» // Elena Stadnik-Holzer (Hrsg.). Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic accentology IV (Scheibbs, 2.–4. Juli 2008). Scheibbs: Internationale Sprachhistorische Tage I. Frankfurt am Main, 2011. С. 99–131.
- Ослон 2012 — *М. В. Ослон*. Орфография и фонетика Юрия Крижанича // Slověne. 2012. № 1. С. 244–263.
- Ослон 2016 — *М. В. Ослон*. Слоговые интонации посавских говоров: можно ли заставить ЭВМ расставлять диакритики? // Балто-славянская акцентология. Материалы VII международного семинара / Referati VII međunarodnog skupa / Proceedings of the 7th International Workshop. Ред. М. В. Ослон. М., 2016. С. 109–125.
- Пецо 1981 — *Асим Пецо*. Крижанићеви погледи на српскохрватски језик и његове дијалекте // Јужнословенски филолог. 1981. Књ. 37. С. 151–177.
- Пецо 1982 — *Асим Пецо*. Јурај Крижанић као акцентолог // Јужнословенски филолог. 1982. Књ. 38. С. 63–78.
- ARj — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1881–1976. Sv. 1–97 [dijelovi I–XXIII].
- Belostenec — *Joannis Bellosttēncz*. Gazophylacium Illyrico-Latinum. Zagrabia, 1740.
- Boryś 1983 — *Wiesław Boryś*. Juraj Križanić i język chorwacki // Pamiętnik Słowiański. 1983. T. XXXIII. S. 49–71.
- Boryś 1986 — *Wiesław Boryś*. Studia nad dialektem czakawskim Jurija Križanicia. Akcentuacja rzeczowników. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1986.
- Brozović, Ivić 1988 — *Dalibor Brozović, Pavle Ivić*. Jezik, srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski. Zagreb, 1988.
- Finka 1973 — *Božidar Finka*. Naputak za ispitivanje i obrađivanje čakavskih govora // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1973. Knj. 3. S. 5–76.
- Finka, Šojat 1973 — *Božidar Finka, Antun Šojat*. Karlovački govor // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1973. Knj. 3. S. 77–150.
- Gudek 2013 — *Vedrana Gudek*. Opis govora Gornje Konjščine. Diplomski rad. Filozofski fakultet u Zagrebu, 2013.
- Hamm 1974 — *Josip Hamm*. Prosodijski sistem Križanićeva govora // Život i djelo Jurja Križanica. Zagreb, 1974. S. 212–238.
- Hraste 1963 — *Mate Hraste*. Prinosi poznavanju hrvatskosrpskoga jezika J. Križanica // Radovi zavoda za slavensku filologiju. 1963. Knj. 5. S. 25–34.
- Ivšić 1936 — *Stjepan Ivšić*. Jezik Hrvata kajkavaca // Ljetopis JAZU. 1936. Knj. 48. S. 47–88.
- Jagić 1917 — *Vatroslav Jagić*. Život i rad Jurja Križanica. Zagreb, 1917 [Djela Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga XXVIII].
- Jedvaj 1956 — *Josip Jedvaj*. Bednjanski govor // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1956. Knj. 1. S. 279–330.
- Kalsbeek 1998 — *Janneke Kalsbeek*. The Čakavian Dialect of Orbanici near Žminj in Istria. Amsterdam; Atlanta, 1998.
- Kapović 2007 — *Mate Kapović*. Naglasne paradigme imeničnih *i*-osnovâ u hrvatskom // Croatica et Slavica Iadertina. 2007. Vol. III. S. 71–79.

- Kapović 2009a — *Mate Kapović*. Rising mobility in Slavic *i*-stems // Protolanguage and Prehistory. Akten der XII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, vom 11. bis 15. Oktober 2004 in Krakau / Ed. Rosemarie Lühr & Sabine Ziegler. Wiesbaden, 2009. P. 236–243.
- Kapović 2009b — *Mate Kapović*. Čakavsko i kajkavsko u donjosutlanskoj akcentuaciji (na primjeru govora Drinja) // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 2009. Knj. 15. S. 195–209.
- Kapović 2010 — *Mate Kapović*. Naglasak *o*-osnova muškog roda u hrvatskom — povijesni razvoj // Filologija. 2010. Knj. 54. S. 51–109.
- Kapović 2011a — *Mate Kapović*. Naglasak imenica srednjeg roda u hrvatskom — povijesni razvoj // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 2011. Knj. 17. S. 109–146.
- Kapović 2011b — *Mate Kapović*. Historical Development of Adjective Accentuation in Croatian (suffixless, *-*ьнъ* and *-*ькъ* adjectives) // Proceedings of the 6th IWoBA (Baltistica VII Priedas). Vilnius, 2011. P. 103–128, 339–448 (bib.irb.hr/datoteka/621776. Kapovic_adjective_accentuation.pdf).
- Kapović 2015 — *Mate Kapović*. Povijest hrvatske akcentuacije. Fonetika. Zagreb, 2015.
- Kapović 2017 — *Mate Kapović*. The Position of Kajkavian in the South Slavic Dialect Continuum in Light of Old Accentual Isoglosses // Zeitschrift für Slawistik. 2017. T. 62, № 4. P. 606–620.
- Kapović 2018 — *Mate Kapović*. Povijest glagolske akcentuacije u štokavskom (i šire) // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2018. Knj. 44, br. 1. S. 159–285.
- Kapović 2020 — *Mate Kapović*. The Genitive Plural Ending in Proto-Indo-European and Slavic // Proceedings of Indogermanische Gesellschaft Arbeitstagung [в печати].
- Križanić 1983 — *Juraj Križanić*. Objasnjenje vivodno / Priredio i uvodnu raspravu napisao J. Hamm. Zagreb, 1983.
- Križanić 1984 — *Juraj Križanić*. Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku / Priredio i uvodnu raspravu napisao Josip Hamm. Zagreb, 1984.
- Lipljin 2002 — *Tomislav Lipljin*. Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. Varaždin, 2002.
- Lončarić 1996 — *Mijo Lončarić*. Kajkavsko narječje. Zagreb, 1996.
- Lukežić, Zubčić 2007 — *Iva Lukežić, Sanja Zubčić*. Grobnički govor XX. stoljeća (gramatika i rječnik). Rijeka, 2007.
- March 1981 — *William J. March*. Kajkavian Inflectional Morphophonemics: an Analysis of the Morphology of Dialects of Velika Rakovica, Virje, and Bednja // Rad JAZU. 1981. Knj. 388. P. 237–312.
- Marinković 2017 — *Martina Marinković*. Iz fonologije mjesnoga govora Zado-barja: čakavsko-kajkavske interferencije na zapadnome karlovačkome području // Jezikoslovni zapiski. 2017. Knj. 23. S. 107–123.
- Moguš 1966 — *Milan Moguš*. Današnji senjski govor // Senjski zbornik. Senj, 1966. Vol. 2. S. 5–152.
- Moguš 1974 — *Milan Moguš*. Križanićevi naglasci // Život i djelo Jurja Križanića. Zagreb, 1974. S. 239–246.

- Moguš 1984 — *Milan Moguš*. Križanićeva hrvatska gramatika. Zagreb, 1984 [Radovi zavoda za slavensku filologiju. Knj. 19].
- Moguš 1985 — *Milan Moguš*. Križanićev doprinos štokavskoj dijalektologiji // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1985. 1, 7.
- Moguš 1986 — *Milan Moguš*. Križanićevi fonološke napomene o »hrvatskoj« otmini // Filologija. 1986. Knj. 14. S. 223–231.
- Moguš 2002 — *Milan Moguš*. Senjski rječnik. Zagreb; Senj, 2002.
- Mužek 2019 — *Matija Mužek*. Fonološki opis tuškanskog govora. Diplomski rad. Filozofski fakultet u Zagrebu, 2019 (bib.irb.hr/datoteka/1016890.Fonoloki_opis_tukanskog_govora.pdf).
- Oslon 2012 — *Michail Oslon*. Über den Silbenakzent in Juraj Križanićs Dialekt // Slovène. 2012. № 2. S. 66–80.
- Peco 1971 — *Asim Peco*. Osnovi akcentologije srpskohrvatskog jezika. Beograd, 1971.
- Plet. = *Maks Pleteršnik*. Slovensko-nemški slovar. Transliterirana izdaja. Ljubljana, 2006. T. I–II.
- PHA = Kapović 2015.
- SnDCz = Boryš 1986.
- Snoj 2009 — *Marko Snoj*. Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljubljana, 2009.
- Šimunović 2009 — *Petar Šimunović*. Rječnik bračkih čakavskih govora. Zagreb, 2009.
- Šojat 1981 — *Antun Šojat*. Čakavske osobine u jugozapadnim kajkavskim govorima // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1981. Knj. 5. S. 151–167.
- Šojat 1982 — *Antun Šojat*. Turopoljski govori // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1982. Knj. 6. S. 317–493.
- Težak 1981a — *Stjepko Težak*. Dokle je kaj prodro na čakavsko područje? // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1981. Knj. 5. S. 169–200.
- Težak 1981b — *Stjepko Težak*. Ozaljski govor // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1981. Knj. 5. S. 203–428.
- Težak 1982 — *Stjepko Težak*. Akcenatski odnosi u luku rijeke Kupe i u podžumberačkom kraju // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1982. Knj. 6. S. 293–302.
- Težak 1990 — *Stjepko Težak*. Hrvatske riječi u Križanićevim tekstovima i današnji ribnički govor // Križanićev doprinos slavenskoj filologiji. Zagreb, 1990. S. 193–207.
- Težak 1996 — *Stjepko Težak*. Naglasci Jurja Križanića i današnji naglasni odnosi na području Ribnika, Ozlja i Dubovca // Filologija. 1996. Knj. 26. S. 85–94.
- Toporišič 2008 — *Jože Toporišič*. Stilnost in zvrstnost. Ljubljana, 2008.
- Vermeer 1982 — *Willem Vermeer*. On the principal sources for the study of Čakavian dialects with neocircumflex in adjectives and *e*-presents // Studies in Slavic and General Linguistics. 1982. Vol. 2. P. 279–340.

M. V. Oslon, M. Kapović

Duženje samoglasnikâ u govoru Jurja Križanića u usporedbi s čakavskim i kajkavskim podacima

U članku se razmatraju neocirkumfleksno, neoakutsko i predsonantsko duženja u »čakavsko-kajkavskom« govoru Jurja Križanića koja se uočavaju u njegovim tekstovima. Proviđa se dosljedna analiza svih pozicija (ne)duženja kod Križanića u sustavnoj usporedbi s istim pozicijama u štokavskom, čakavskom, kajkavskom i slovenskom (slovenačkom). Potvrđuje se genetski čakavska osnovica Križanićeva govora (u kojem je, za razliku od kajkavskog, djelovalo čakavsko predsonantsko duženje) uz vjerojatno morfonološku, ali dosta ranu, izoglosu neocirkumfleksnog duženja u nekim od kajkavskih pozicija te možda fonetsku (ili opet morfonološku, iako bez fonetskih protuprimjera) izoglosu neoakutskog duženja u većem broju pozicija. Sudeći prema podacima s Križanićeva dijalekatskog područja, njegov se govor, što se razmotrenih duženja tiče, poklapa s onim što pretpostavljamo o starijem stanju u govoru Ribnika, Križanićeva rodnog naselja (taj je govor nakon Križanićeva vremena pretrpio znatne fonetske retrakcije naglasaka i nešto kasnijeg kajkavskog utjecaja).

Gljučne riječi: akcentologija, čakavski, hrvatski, kajkavski, Križanić, neoakut, neocirkumfleks, slovenski, slovenački, srpskohrvatski.

M. V. Oslon, M. Kapović

Vowel lengthening in Juraj Križanić's subdialect in comparison with Čakavian and Kajkavian data

The article discusses neo-circumflex, neo-acute and pre-resonant vowel lengthenings in Juraj Križanić's "Čakavian-Kajkavian" subdialect, as evidenced by his writings. All (non-)lengthening positions in Križanić's subdialect are thoroughly analyzed and systematically compared with the same positions in Štokavian, Čakavian, Kajkavian and Slovenian. This confirms the Čakavian genetic base of Križanić's subdialect (which, unlike Kajkavian, displays the results of Čakavian pre-resonant lengthening) with an additional, probably morphonological, but quite early, isogloss of neo-circumflex lengthening in some of the Kajkavian positions, as well as perhaps a phonetic isogloss of neo-acute lengthening in a greater number of positions (the latter, too, may in fact be morphonological, yet lacking phonetic counterexamples). As shown by the data from Križanić's dialect area, his subdialect, in terms of the lengthenings discussed, coincides with what we can deduce about the older situation in Ribnik, Križanić's birthplace (the subdialect spoken in Ribnik has subsequently undergone considerable phonetic stress retractions and some later Kajkavian influence).

Keywords: accentology, Čakavian, Croatian, Kajkavian, Križanić, neo-acute, neo-circumflex, Slovenian, Serbo-Croatian.